Людмила Татьяничева

Людмила
Татьяничева

Лирические стихи

Издательство
«Художественная
литература»
Москва 1964

Р 2
Г23

Оформление художника
В. ЕРЕМИНА

О себе

Родилась я в декабре 1915 года в небольшом среднерусском городке Ардатове, что стоит на высоком берегу быстрой речки Алатырь.

Росла без отца: он умер, когда мне едва сравнялось три года.

Моя мать, Агриппина Степановна, была сельской учительницей. Сквозь дымку лет видится мне ее задумчивое лицо с выразительными огромными глазами и мягкой улыбкой.

Много лет мама учительствовала в глухом мордовском селе. Помню нечесаные космы соломенных крыш, темные душные избы, поля, похожие на лоскутное одеяло, глинистые овраги и реденькие рощицы...

Жили мы в школе рядом с классной комнатой, где мама занималась одновременно с двумя классами. А по вечерам она уходила в Народный дом — учить грамоте взрослых.

Люди, знавшие мою мать, говорили, что она любила поэзию и сама писала стихи.

Потребность «говорить в рифму» возникла у меня очень рано. Сколько себя помню, всегда

сочиняла стихи. В детстве они мне часто заменяли кулаки — своих обидчиков высмеивала в частушках.

В 1926 году умерла моя мать. Я переехала на Урал, который стал для меня с годами отчим краем.

В Свердловске, в семье дальних родственников Константина Рафаиловича и Марии Александровны Кожевниковых, я прожила около семи лет. Это была культурная семья. К. Р. Кожевников преподавал физику на рабфаке, затем в институтах. Человек яркой индивидуальности и удивительной цельности, он раскрывал передо мной сложный мир точных наук, учил понимать красоту уральской природы, которую знал замечательно и самозабвенно любил. Он брал меня с собой на охоту, в увлекательные поездки по реке Чусовой, учил стрелять, удить рыбу, понимать язык деревьев, птиц, звезд.

Юность моя ничем не отличалась от юности многих моих сверстников — городских комсомольцев тридцатых годов: школа — завод — рабфак.

Самой замечательной и романтической порой своей юности я считаю работу на вагоностроительном заводе имени Воеводина. И пусть во времени этот период не велик, он оставил след на всю жизнь. Работа токаря научила меня настойчивости и терпению, помогла полюбить технику, оценить силу рабочего товарищества.

Возможно, я смогла бы стать неплохим инженером, если бы иная страсть, иные стремления не заставили бросить на полпути учебу

в Свердловском институте цветных металлов и уехать на знаменитую стройку у горы Магнитной.

Мне казалось, что именно там, на Магнитострое, я смогу стать поэтом и напишу стихи, нужные людям.

Десять нелегких прекрасных лет прожила я в Магнитогорске — городе, который был и остается для меня неповторимым. Там прошла моя молодость. Там я воочию увидела «размаха шаги саженьи».

Работа в городской газете — все десять лет я работала в «Магнитогорском рабочем» — давала возможность широко общаться с людьми, быть в центре дел и событий.

Магнитогорское литературное объединение в те годы считалось одним из сильнейших на Урале. Его создавали Б. Ручьев, К. Мурзиди, Я. Вохменцев, М. Гроссман, М. Люгарин, В. Макаров, А. Авдеенко, Н. Смелянский, А. Астафьев.

Был у нас свой печатный орган — журнал с наивным и претенциозным названием «За Магнитострой литературы».

В рабочих клубах, в бараках, в недостроенных цехах и на строительных площадках молодые поэты читали свои новые стихи об ударных буднях, о трудных победах, о Магнитке, ставшей второй родиной,— стихи, в которых пафос гражданственности переплетался с романтикой и глубоким лиризмом.

С Магнитогорском связаны многие, знаменательные для меня события: здесь в июле 1941 года мне вручили партийный билет; здесь без отрыва от работы я окончила заоч-

ное отделение Литературного института им. А. М. Горького; здесь сложилась моя личная судьба, родился первенец — сын...

Как дни рождения близких, храню в памяти даты пуска мартенов и домен, построенных в довоенные и военные годы.

В 1944 году по решению обкома партии меня назначили директором Челябинского книжного издательства. Более десяти лет возглавляла областное отделение Союза писателей. Два года работала собкором «Литературной газеты» по Уралу... И только с 1959 года перешла на положение писателя-профессионала.

Есть у меня постоянные общественные поручения.

Большую радость доставляет работа с молодыми. У нас небывало много сейчас талантливой молодежи, и как смело, крупно она шагает, как быстро мужает!

Способствуют этому и новые условия жизни, возросшее внимание к литературе и ее кадрам.

На Южном Урале ежегодно издается несколько десятков книг местных писателей, в том числе много книг молодых поэтов и прозаиков.

Литературный Челябинск давно перестал быть дальней заставой. К нам часто приезжают известные писатели из Москвы и Ленинграда. Никогда не забудутся, например, чудесные встречи с А. Фадеевым, Ю. Либединским, Э. Казакевичем. Не раз приезжали они на Южный Урал в длительные творческие командировки и своим щедрым вниманием, высоким

личным примером оказали большую помощь нашей писательской организации.

Много теплых, хороших слов я могла бы сказать о В. Инбер, М. Светлове, С. Щипачеве, Я. Смелякове, А. Безыменском, которые внимательно и доброжелательно следят за моей работой, помогают добрым советом и дружеской критикой.

Советская поэзия необычайно богата: у нас есть кого любить, есть у кого учиться. И я с радостью отмечаю, что круг любимых мною поэтов с каждым годом становится шире!

Печататься начала с 1931 года. Первый мой сборник «Верность» — тоненькая книжица величиной с детскую ладонь — вышел в 1944 году. С тех пор на Урале и в Москве изданы «Синегорье», «Лирические строки», «Малахит», «Самое заветное», «Бор звенит» и другие мои книги.

Кроме стихов, пишу и очерки. Работа над очерками о передовых советских людях дает чрезвычайно много: обостряет чувство современности и гражданственности, помогает накапливать жизненный материал, находить интересные темы, решать сложные проблемы.

Мои стихи и очерки печатаются в «Правде», «Советской России», «Литературной газете», «Огоньке», «Октябре», «Знамени» и в других газетах и журналах.

Стремлюсь как можно больше ездить, открывать для себя новые края, новые явления, знакомиться с новыми людьми. Целью любой командировки, в конечном итоге, всегда является Человек и его Труд.

Огромное впечатление произвела на меня Сибирь, в чем-то главном очень схожая с Уралом.

А сколько хочется еще повидать, узнать, изведать, сколько надо написать!

Живу со счастливым убеждением, что

И песня лучшая не спета,
И жизнь, как прежде, —
Впереди!

Л. Татьяничева

1963 год
Челябинск

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХИ

УРАЛ

Когда говорят о России,
Я вижу свой синий Урал.
Как девочки,
Сосны босые
Сбегают с заснеженных скал.
В лугах,
На ковровых просторах,
Среди плодоносных полей,
Лежат голубые озера
Осколками древних морей.
Богаче, чем краски рассвета,
Светлее, чем звездный узор,
Земные огни самоцветов
В торжественном сумраке гор.
Я сердцем все это вбирала,
Свой край полюбив навсегда.
Но главная сила Урала —
В чудесном искусстве труда.
Люблю я огонь созиданья
В суровой его красоте,
Мартенов и домен дыханье
И ветер больших скоростей.
Мне дороги лица простые

И руки, что плавят металл.
...Когда говорят о России,
Я вижу свой синий Урал.

1949

СКАЗ

Я в детстве слышала не раз
От бабки этот старый сказ.
Узнав, что друг в бою убит,
Подруга уходила в скит,

Чтобы в лесном, глухом скиту
Оплакивать свою беду,
Чтобы любовь свою сберечь
От наважденья новых встреч.

Мне часто повторяла мать,
Как женской гордости устав:
— Коль любишь,— мужа потеряв,
Не станешь нового искать.

Скорее горы упадут
И высохнут истоки рек...
Так в нашем повелось роду:
Раз полюбила, то навек.

...Прошла жестокая война.
Я выжила, а ты убит.
Но воля к жизни так сильна,
Что падать духом не велит.

Она велит мне сильной быть,
В далекий скит не уходя.
Трудиться, петь, детей растить —
И за себя и за тебя.

В горах отыскивать руду,
Менять истоки древних рек.
Ну, а любовь у нас в роду
Одна-единая — навек...

1943—1945

ЯРОСЛАВНА

Снова дует неистовый ветер.
Быть кровавому, злому дождю.
Сколько дней, сколько длинных
столетий
Я тебя, мой единственный, жду.
Выйду в поле, то едешь не ты ли
На запененном верном коне?..
Я ждала тебя в древнем Путивле
На высокой, на белой стене.
Я навстречу зегзицей летела,
Не страшилась врагов-басурман.
Я твое богатырское тело
Столько раз исцеляла от ран.
Проходили согбенные годы
Через горы людской маяты.
И на зов боевой непогоды
Откликался по-воински ты.
Не считал ты горячие раны,
И на землю не падал твой меч.
Откатилась орда Чингис-хана
Головою, скошенной с плеч.
И остался на вечные веки
Ты грозой для пришельцев-врагов.

Омывают российские реки
С твоих рук чужеземную кровь.
...Снова ветер гудит, неспокоен.
Красный дождь прошумел по стране.
Снова ты, мой возлюбленный воин,
Мчишься в бой на крылатом коне.
Труден путь твой, суровый и бранный,
Но свободной останется Русь,
И тебя я, твоя Ярославна,
В славе подвигов ратных дождусь.

1943—1945

* * *

На левый бок повернулся медведь.
На убыль идет зима.
А мне все так же в окно смотреть
И ждать твоего письма.
А писем нет.
Затерялся след.
Выжжен твой след огнем.
Тысячу раз без тебя рассвет
Вставал за моим окном.
Но верю в счастье!
Ручьям звенеть,
Свиданью быть.
Всему свой срок.
Пусть злится зима, но уже медведь
Повернулся на левый бок.

1944

* * *

Среди имен любимых и родных
Храним мы рек прозрачные названья.
Мы помним шелест ковылей седых
И синих гор лепные очертанья.

А если на чужбине, среди сна,
Согреет нас дыханием сосна,
То, как рисунок на булатной стали,
Возникнет в сердце песня об Урале.

1944

МАЛАХИТ

Когда-то над хребтом Урала,
Соленой свежести полна,
С ветрами запросто играла
Морская вольная волна.

Ей было любо на просторе
С разбегу устремляться ввысь.
Отхлынуло, исчезло море,
И горы в небо поднялись.

Но своенравная природа
То море в памяти хранит:
В тяжелых каменных породах
Волной играет малахит.

Он морем до краев наполнен,
И кажется: слегка подуть —
Проснутся каменные волны
И морю вновь укажут путь.

1945

* * *

Мой отец — охотник,
Человек таежный.
Он слова, как порох,
Тратил осторожно.
Зря не приголубит,
Даром не ославит.
Скажет — что отрубит,
Как печать поставит.
Всем в отца я вышла.
Сквозь глухие двери
Чутким ухом слышу,
Как растут деревья.
Путь зимою вьюжной
Отыщу по небу.
Знаю цену дружбе,
Пороху и хлебу.
Все отец оставил —
От ружья до крова,
Только не наставил,
Как найти мне слово,
Чтоб по цели било
Без искры́ осечной,
Чтобы мною было
Добыто навечно.

1946

ИСПЫТАНИК

Готова сталь. Заказ исполнен точно.
Но не спеши расхваливать металл,
Пока на бронебойность и на прочность
Артиллерист его не испытал.
И если счастье налетит приливом —
Не торопись его своим назвать.
Чтоб стать не на год, а навек
счастливым —
Свою любовь ты должен испытать.

1946

ДЕВУШКЕ

Тебя, быть может, нет еще на свете,
Я о тебе не знаю ничего.
Что из того?
Я все равно в ответе
Перед тобой за сына моего.

В любом краю,
Хоть за Полярным кругом,
Где никогда не тает снежный наст.
Тебя найдет он,
Назовет подругой,
И все возьмет,
И все тебе отдаст.

С тобой он будет нежным и нелгущим,
Простым и добрым,
Преданным навек.
Ты с ним узнаешь на земле цветущей
И щедрость зноя, и прохладу рек.

Но если счастья ты увидишь мало
И если сын окажется иным,
То это я тебя обворовала
Холодным нерадением своим.

1946

РЕКИ

Реки текут, друг о друге не зная.
Одна — словно легкая песня сквозная,
Другая грохочет высокой волной —
Привычно ей камни ворочать одной.

Но если пути их однажды сойдутся
И если их струи, как руки, сплетутся
И в общее русло войдут на века,
Ты знаешь, какая возникнет река?

В ней скажется все:
И таежная сила,
Которая скалы, шутя, уносила,
И добрый характер реки голубой,
Что к морю дубравы ведет за собой.

...Кто любит, пусть помнит,
Как вольные реки
Друг друга находят,
Сливаясь навеки.

1946

* * *

Прославлены умельцы-камнерезы,
Хранители волшебного огня,
Чеканщики по стали и железу —
Уральцев знаменитая семья.
Прославлены седые рудознатцы —
Пытливый, неуступчивый народ,
Умеющий, как в карте, разобраться
В подземных дебрях каменных пород.
Почет и слава вам, мастеровые —
Горняк, строитель, токарь, сталевар,
Сыны труда, чьи руки золотые
Подняли и возвысили Урал!

1947

ЖИВАЯ ЛЕТОПИСЬ

По белой азиатской пыли
С мечтой о невозможном чуде
Кочевники здесь проходили,
Устало горбились верблюды.
И было это не когда-то,
В седые времена Батыя...
Хранятся в памяти все даты:
Ведь мы свидетели живые,
Магнитогорска старожилы.
Мы тем, быть может, знамениты,
Что в горные проникли жилы
Упрямой силой динамита.
Лопатой рыли котлованы
В степи,
Дремавшей непробудно.
Качались на волнах бурана
Палаток парусные судна...
Пройдем по городу, товарищ,
На солнечную выйдем площадь.
Ты этот дом припоминаешь?
А дерево вот это помнишь?
Так день за днем припоминая,

Мы улыбнемся, словно дети:
И впрямь
Мы — летопись живая
Кипучих будней пятилетий!

1947

* * *

Скоро утро. Затихает ветер
И плашмя ложится на поля.
Мы с тобой одни на целом свете.
Доченька желанная моя.
Крошка, не успевшая родиться,
Стебелек, разбуженный весной.
Где-то в роще запевают птицы,
Пахнет ночь брусникой и сосной.
С серебристой шапки Таганая
Сизой дымкой опадает мгла.
Я хочу, чтоб ты, моя родная,
Это утро увидать смогла,
Услыхать земли сердцебиенье,
Горных рек подслушать разговор.
Поглядеть на белое кипенье
В небо опрокинутых озер.
И, поднявшись по крутому склону.
Где породу горщики дробят,
Увидать, каким богатством полон
Этот мир, что создан для тебя.
Все твое:
          и этот влажный ветер.
И широкий розовый рассвет,
И звезда, что целое столетье

Для тебя несла свой тихий свет,
И заводских плавок полыханье,
По ночам сжигающее тьму...
...Еле слышное твое дыханье
Подступило к сердцу моему.

1947

ТВОЯ РОДИНА

В младенчестве нужна лишь мать,
Ее родная теплота.
Потом ты станешь понимать
Улыбки, звуки и цвета.

Потом тебе твой отчий дом
Откроет все, чем он богат.
Ты все запомнишь.
А потом
Однажды утром выйдешь в сад.

Ты там услышишь птичий свист,
Гортанный говор голубей,
И каждый стебель, каждый лист
Ты примешь в подданство себе.

Потом придут к тебе друзья
С весельем игр, с раздумьем книг.
Ты слово строгое «нельзя»
Все реже слышишь от родных.

Тебе доступен темный бор,
Дымок костров, упругость лыж.
Затеяв с вьюгой жаркий спор,

Ты выстоишь.
                    И победишь!
Недаром мускулы крепки
И взгляд спокоен голубой.
Но вот, как верные клинки,
Легли дороги пред тобой.

То юность.
                    То дороги в жизнь.
Не оступись!
                    Не упади ж!
Стремлений лучших не утрать,
Отчизне сыном назовись,
Она тебе родней, чем мать.
И я не вправе ревновать!

1947

ОРЛЕНОК

Топают детские ножки
По сентябрьским дорожкам,
Мнут облетевшие листья
Огненно-рыжие, лисьи.
Осенние листья эти
Время с собой уносит.
Мальчик живет на свете
Только вторую осень,
Светлой, озерной рыбкой
Скользит по губам улыбка...
Я вспомню улыбку такую,
Вспомню вот эту осень,
О сыне своем затоскую,
Когда он вырастет взрослым.
Однажды прочту в газете
О межпланетном полете.
Смеется сын на портрете,
Спрашивает:
— Узнаете? —
От радости, от тревоги
Сердце рвется на части.
По славной сыновней дороге
Идет материнское счастье.
С младенчества, чуть не с пеленок,

Я сына зову:
— Орленок.—
Простор распахнула синий
Перед судьбой орлиной!

1948

МАСТЕР

В мартене пламя все огромней.
Вокруг жара — не продохнешь.
И вот проносит кран подъемный,
Как колыбель, стотонный ковш.
Одним движением коротким
(Так копья в детстве он метал)
Подручный пробивает летку:
— Добро пожаловать, металл! —
А мастер загляделся:
— Ловко!
Гляди, как действует.
Орел! —
Забыв, что ловкость и сноровку
Тот у него же приобрел.

1948

СИНЕГОРЬЕ

Есть у нас на молодом Урале
Синегорье.
Может быть, бывали?
Звонкий бор и летом и зимой
Изукрашен хвойной бахромой,
Синельга синеет между гор —
Чей угодно очарует взор.
Только я признаюсь,
Что не это
Синегорья главная примета...
Если ты придешь сюда впервые,
Поспеши на вышки буровые,
Отыщи нетронутые руды
И земные звезды —
Изумруды.
Или в цехе,
Принимая смену,
В красный глаз заглядывай мартену.
На лесах, в цехах или в забое
Мастерством поделится с тобою
Здешний житель и умелец местный,
Человек на весь Урал известный:
Металлург, геолог и охотник —
Синих гор хозяин и работник.

1948

УРАЛЬСКИЙ ВИНОГРАД

Барский дом, окованный железом.
Кружево чугунное оград...
Повелел хозяин камнерезу
Вырезать из камня виноград:
Чтоб он был совсем как настоящий,
Словно солнцем налитая гроздь.
Только камнерезу, на несчастье,
Видеть виноград не довелось.
Что он видел?
Белые метели,
Островерхий синий Таганай,
Сосны и нахмуренные ели —
Милый сердцу,
Но суровый край.
Не плоды цветущей Украины
И не крымских фруктов аромат,—
Знал он только горькую рябину,
Красную, как ветреный закат.
И сказал себе уральский мастер:
— Много бед — ответ всегда один...—
Взял он не прозрачные тумпасы,
Не морской воды аквамарин,
А кроваво-красные рубины
И густой, задумчивый гранат —
Вырезал он гроздь родной рябины.

— Вот вам, барин, местный
виноград! —
Были розги мастеру наградой.
Но с тех пор в народе повелось
Называть уральским виноградом
Красную рябиновую гроздь.

1948

ГРАНЬ РЕЗЦА

Свои свершая рейсы круговые,
Перекликались краны в вышине...
Хоть в этом цехе я была впервые,
Все было близким и знакомым мне.

И строй станков,
И говор их негромкий,
И синей стружки плотная спираль,
И вышитая кофточка девчонки,
Берущей в руки теплую деталь.

Девчонка,
Укрепив резец умело,
Переходила от станка к станку.
Работала,
Как песню в праздник пела,
В движеньях подражая ветерку.

На миг остановилась,
Улыбнулась,
Отбросила каштановую прядь
И словно время повернула вспять —
Передо мной моя возникла юность.

Она хозяйкой в гулкий цех входила,
Работе отдавалась до конца...
И я в своей ладони ощутила
Не карандаш —
Стальную грань резца.

1948

* * *

Как вливается в русло вода,
Как плоды насыщает земля,
Так великая жажда труда
Каждый день наполняет меня.
Выхожу я из дому чуть свет
Вместе с теми, кто в цехи идут.
Знаю — там быть обязан поэт,
Где становится творчеством труд.

1949

В НАШЕМ КРАЮ

I

Еще недавно тишина
Пластом нетронутым лежала.
Движенья жизни лишена,
Она безмолвьем устрашала,
Томила пыльной духотой,
Как груз, отягощала плечи.
И на земле, как под водой,
Дышать, казалось, было нечем.
Седую поднимая пыль,
Тянулся караван столетий.
Старела степь.
Густел ковыль.
И стекленел в полете ветер.
Сторожевые тополя,
Сквозь степь идущие гурьбою,
Вели беседы меж собою,
Едва листами шевеля...

II

Встающим днем озарена,
В степи раскинулась станица,
Как будто приземлились птицы
Отведать спелого зерна.

Цветные крыши новых хат
Дымком повиты белоперым.
И детский крик,
И птичий гвалт
Слились с немолчным разговором
Трудолюбивых тракторов,
Спешащих к току пятитонок
И перекличкою девчонок,
Пасущих на лугу коров...

III

Излучины степных дорог
Ведут нас в синие просторы,
Где, на зеленый встав порог,
Орлиные поднялись горы.
Здесь пред людьми раскрыты щедро
Для вдохновенного труда
Неисчерпаемые недра —
И нефть,
И уголь,
И руда,
Алмаза солнечный кристалл,
Мерцающие самоцветы.
Здесь в вихре пламени и света
В печах рождается металл...

IV

Быть может, в Заполярье дальнем,
Громадой льдов окружена,
Под долгим Северным сияньем
Еще кочует тишина.

Но с каждым днем все шире, шире
Необозримый круг работ.
Еще немного лет пройдет —
Не станет места в нашем мире
Для обомшелой тишины
И для безлюдного покоя
Ни в области сплошного зноя,
Ни в крае вечной мерзлоты.

1949

ЗЕМЛЯ ПУСТЫНИ

Бедна на выдумки природа
Иль просто нрав ее жесток,
Но там в любое время года
Лишь солнце, ветер да песок.

Деревья, травы — словно сдуло,
Все зноем выжжено дотла.
Ломает ветви саксаула
Ветров горючая метла.

Лежит, от жажды изнывая,
Песками желтыми пыля,
Пустынная,
Но все ж родная,
От века русская земля.

И мы не можем равнодушно
К ней отнестись,
О ней забыть,
Когда она в пустыне душной,
Как мать больная, просит пить.

В ней сила гордая таится,
Вольнолюбивая душа...
Дадим же той земле напиться
Из многоводного ковша!

...И хлопку там расти отныне,
Цвести тропическим садам.
Вода канала сквозь пустыню
Прошла, как ток по проводам.

1949

БУДУЩЕЕ МОРЕ

Хлебосольный город в Зауралье.
Не гадал, что будет знаменит
Он морской заманчивою далью,
Берегом, закованным в гранит.

...Вдоль Тобола белые березки,
На озерах тихая заря.
Только на мальчишеских матросках
Он видал морские якоря.

...В это море реки из Сибири
Принесут высокую волну
И приблизят к океанской шири
Нашу многоводную страну.

Вот и станет он тогда известен
Мореходам самых разных стран,
И матросы будут славить в песнях
Город-порт по имени Курган.

Мы увидим,
Мы увидим скоро
Наяву морскую целину...
Водолазы будущего моря
Без скафандров бегают по дну.

1949

БАШЕННЫЙ КРАН

Вот и стройка...
Без лунного света
От стотысячных ламп
Здесь бело.
Вижу:
Башенный кран, как ракета,
Чертит небо
Огромной стрелой.
— Майна!
— Вира! —
Движением быстрым
Небольшой
Загорелой руки
Тот, кого здесь зовут машинистом,
Поворачивает рычаги.
Я любуюсь работою спорой.
Вот рычаг
Опускается вниз —
И огромнейший
Бункер с раствором
Малой каплей
Над стройкой повис.
Кран работает без напряженья.

Как движенья
Стрелы легки!
Но стрела —
Это лишь продолженье
Управляющей краном
Руки.

1949

МАГНИТ-ГОРА

А заря-то, какая заря,
Словно в небе зажжен костер!
Кто сказал, что Магнит-гора
Много ниже Памирских гор?
Не по уровню зыби морской
Я отсчет высоты веду,—
По высокой мысли людской,
По движенью вперед,
По труду.

1949

МУЗЫКА

Когда впервые
В цех ты к нам войдешь,
Тебя он встретит
Гулом однотонным,
Как будто бы
Тяжелый хлещет дождь
По крышам
И по стенам стооконным.
Но вслушайся,
И ухо различит,
Как в музыке,
Тончайшие оттенки —
И звук сверла,
И гром чугунных плит,
И дробный смех
Короткой пересменки.
И вот уже
Гудок издалека
Влетает в цех
Озвученной ракетой,
И сменщицы умелая рука
Берет рычаг,
Моей рукой согретый.

1949

ЧЕКАНЩИК

Передает литейщик чугуну
Пластичность форм,
Стремительность движенья,
Но лишь чеканщик может дать ему
Необщих черт живое выраженье.

Чтоб в чугуне однажды ощутил
Ты теплоту пульсирующей крови,
Искусный мастер, не жалея сил,
С литья снимает лишние покровы.

Чеканом оживляет он черты,
Отлитые литейщиком в металле,
Чтоб красоту живой его мечты
Мы в каслинской скульптуре увидали.

1949

* * *

Уже не дни, а годы между нами.
Как бесприютны ночи в сентябре!
Скупыми непролитыми слезами
Опять приходит память о тебе.
В твои глаза взглянуть могла б я
смело:
Любовь моя по-прежнему жива...
Прости меня, что так и не сумела
Сказать тебе все лучшие слова.
Казалось мне, что никогда не поздно,
Весенним днем, от света голубым,
Или трескучей полночью морозной,
Признаться, как ты преданно любим.
Моя любовь,
Я это твердо знала,
Не на год —
На бессрочные года...
А в толчее военного вокзала
Нас стерегла разлука навсегда.
И вот теперь не будет больше писем,
Напрасно ждать звонков и телеграмм,
Но ты живешь, от смерти независим,
Я сердцу позабыть тебя не дам!

1949

ПЕРВЕНЕЦ

Когда он вышел, громыхая,
Из заводских ворот,
Платками, кепками махая,
За ним бежал народ.
Кричали дети:
— Вот он, трактор! —
А он, в броню одет,
По сбитому степному тракту
Уже печатал след.
За новостройкой,
За домами,
Отяжелев от сна,
Еще не тронутая нами,
Лежала целина.
Ковыльную взбивая пену,
Травы сминая шелк,
Наш трактор,
В росах по колено,
Той целиною шел.
Он по глухому бездорожью
Нам проторял пути
В грядущее,
Куда мы можем,
Как в дом родной, войти.

1950

* * *

Да, ты такой, каким тебя люблю:
Порывистый, настойчивый, не лгущий,
Подобно небольшому кораблю,
Навстречу шторму и ветрам идущий.
Как нелегко и как легко с тобой!
В тебе всечасно вижу перемены,
Но то — не мыслей пестрый разнобой,
Не чувств игра,
Не вспыльчивость измены,
А щедрая способность воплощать
В себе черты стремительного века,
В себе самом и в людях не прощать
Того, что недостойно человека!

1950

ТАНК

Он — младший в танковой
семье.
Родился он тогда,
Когда умолкла на земле
Военная страда,
Когда, сраженный, пал Берлин
Под грохот батарей.
И танк оставлен был один
На заводском дворе.
Домой вернувшийся танкист
Пылищу с танка стер,
И, по-военному басист,
Заговорил мотор.
Для битвы созданный колосс,
Не бывший на войне,
Он горы щебня перевез
На панцирной спине.
Он возит корабельный лес,
Кирпич, известку, мел.
Повсюду,
На сто верст окрест,
Ему хватает дел.

1951

* * *

Когда-то в тридцатом, в начале
Нелегких строительных дней,
Любили смотреть мы ночами
На редкую россыпь огней.
Казалось, лучами проколот
Степи первозданный массив.
При солнечном свете наш город
Едва ли тогда был красив.
Бараки, землянки, палатки,
Отвалов верблюжьи горбы,
Фундаментов влажная кладка,
Каркасов стальные столбы...
И вот после смены,
Счастливый,
Идешь ты сегодня домой
Среди тополей говорливых
По улице нашей прямой.
Ты видишь, как девушки ясень
Сажают в тени колоннад.
...И ночью наш город прекрасен,
Но днем он красивей в сто крат.

1951

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Так везде заведено:
Месяц смотрится в окно,
Ходит полночь у ворот,
Мать над зыбкою поет:
«Баю-бай, баю-бай,
Спи, сыночек, засыпай».
Здесь же все наоборот.
Нет ни дома,
Ни ворот,
Над брезентовой палаткой
Ночь строительных работ.
Позабыв про отдых краткий,
На работу мать идет.
— Чтоб в тепле сыночку спать,
Надо город воздвигать.
Из негреющей палатки
Переедем во дворец...—
Позабыв про отдых краткий,
С сыном возится отец:
— Баю-бай, баю-бай,
Поскорее подрастай! —
Гаснут звезды над палаткой.
Как слюда, осенний лед.

Голосистая двухрядка
Со строительства идет.
Сын с отцом в палатке спят,
Снится им наш город-сад.

1951

ГОРЯЧЕЕ ДЫХАНИЕ

Как в мех, закутанный в куржак,
Прошитый жесткими ветрами,
Стоял бревенчатый барак,
Не без труда обжитый нами.

С реки носил ты в ведрах лед.
Его, как сахар, мы кололи.
И в сером хлебе привкус соли
Мы полюбили в этот год.

Когда в печурке гас огонь,
Лишь уголек в золе маячил,
Ты согревал мою ладонь
Дыханьем бережным, горячим.

...Мелькают годы, города,
Но сквозь любые расстоянья
Я сердцем чувствую всегда
Тех дней горячее дыханье.

1951

ГУДКИ

Гудки,
Гудки,
Ваш голос зычный,
Будивший в юности меня,
Вошел подробностью привычной
В порядок трудового дня.
Уже на грани пробужденья,
Еще не встретясь
С новым днем,
Как скорый поезд отправленья,
Приказа вашего мы ждем.
Когда я слышу на рассвете:
— Готов к труду!
— Готов к труду-у! —
Мне громко хочется ответить:
— Уже иду!
— Уже иду! —
И я спешу друзьям навстречу,
Навстречу дню больших работ.
В пути едва ли я замечу
Седого вечера приход.
Звезда опустится на крышу,
А я средь близких голосов,
Быть может, даже не услышу

Ваш удаляющийся зов.
Но мир труда,
Широк и светел,
Услышит ваш призыв к труду,
И за меня мой сын ответит
Всей силой юности:
— Иду!

1952

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Своенравное, как море,
В стороне от светлых дач,
Дождь и ветер переспоря,
Отдыхает Кисегач[1].

Лишь о каменные глыбы
Еле слышно волны бьют,
Да серебряные рыбы
Возле берега снуют.

Да смуглянке возле сходней
Смотрит юноша в глаза.
— Хорошо-то как сегодня.
Я люблю, когда гроза...

Платье вымокло до нитки.
Косы — темных два ручья.
— Ты откуда?
— Из Магнитки.
— Чья?
— Пока еще ничья!

---

[1] Кисегач — озеро на Южном Урале.

Разговор их стал невнятен.
Тишина.
Но слышно мне,
Как выстукивает дятел
Телеграммы на сосне.

Я иду тропою узкой,
Камни катятся, шурша.
Красотою щедрой, русской
До краев полна душа.

Через хвойные ресницы
Смотрит солнце с высоты.
...Этот край мне будет сниться
Неотступно, словно ты.

1952

НА ПЕРЕВАЛЕ

Они взошли на перевал,
И прямо перед ними
Кленок осинку обнимал
Ветвями молодыми.
Скосив на спутницу глаза
И нервно скомкав кепку,
Со вздохом юноша сказал:
— Вот эти любят крепко! —
Отвергнув горечь этих слов,
Девчонка рассмеялась:
— Ты за любовь принять готов
Такую, право, малость.
Зажегся лучик — и погас...
Ведь стоит дунуть вьюге,
Как клен с осинкой в тот же час
Забудут друг о друге.
Вон те куда милее мне,—
И указала взглядом
На кедр, стоящий в стороне
С подругой стройной рядом.
Они тянулись оба ввысь,
Вдыхая воздух горный.
Как пальцы сильных рук, сплелись
Их молодые корни.

Попробуй их разъедини
Бураном,
Ветром,
Градом!
Плечом к плечу стоять они
Столетья будут рядом.

1952

МАМА

Как часто невниманьем обижаем
Мы в юности отцов и матерей!
Домой из института приезжая,
К своим друзьям торопимся скорей.
На завтра отложив все разговоры,
Едва успев костюм дорожный снять,
В заречные зовущие просторы
Стремглав летим мы детство догонять.
В своих подруг бросаем мы цветами,
Забыв нарвать для матери букет.
А мать нас ждет,
Живет и дышит нами,
Обновы шьет, готовит нам обед.
Нас держит лес.
Не отпускает Кама.
Уже темно.
Поужинать и спать.
И лишь во сне мы повторяем: «Мама»,
И наши сны оберегает мать.
А ночь идет, всю землю обнимая,
Баюкая уснувшие дома,
Но мать не спит.
Я это понимаю
С тех пор, как стала матерью сама.

1953

ВИШНЕВЫЙ САД

Жене цветов он не дарил,
В любви не клялся ей,
Но вряд ли кто еще любил
Жену свою нежней.

Она приехала к нему,
Оставив дом, подруг,
Сменила город свой в Крыму
На край полярных вьюг.

Но только стоило весне
Сломать стальные льды,
Как вновь ей виделись во сне
Цветущие сады.

И начинал тускнеть, грустить
Ее веселый взгляд.
И муж задумал подарить
Жене вишневый сад.

Едва затеплится заря —
Лопату в руки брал.
— Ты это все задумал зря,—
Твердили стар и мал.

— Да в нашем климате крутом
Твой сад не станет жить...—
Но он был молод
И притом
Умел с землей дружить.

Согрел он землю теплотой
Большой своей любви,
И каждой ветке молодой
Он приказал:
— Живи!

И, как мальчишка, был он рад,
Взглянув в глаза жене,
Спросить:
— Скажи, не этот сад
Ты видела во сне?

...Когда я слышу голос твой,
Встречаю теплый взгляд,
Мне вспоминается порой
Вишневый этот сад.

1953

* * *

Неужели были лживы
Наши прежние слова?
Оба мы с тобою живы,
А любовь...
Любовь мертва.

Что ж случилось, в самом деле?
Неужель расстаться нам?
Только как же мы разделим
Сердце сына пополам?!

1953

КОСТЕР

Пурга ли в степи осмелеет,
Буран ли обрушится с гор,
Не страшно тому, кто сумеет
Разжечь в непогоду костер,

Кто ветки сухие отыщет,
Разроет шершавые мхи
И спрячет костер в корневище
Сосны или старой ольхи.

Когда разгорится он ярко,
Спугнув полуночную жуть,
Ни ветер,
Ни вьюга-дикарка
Его не посмеют задуть.

И будет гореть, не сгорая,
Костер на ветру до утра,
Дыханьем своим согревая
Людей, что сидят у костра.

Чтоб жарче горел,—
На поленья
Руби просмоленные пни.
Таежное это уменье
Большому искусству сродни!

1953

СОВСЕМ КАК В ЮНОСТИ

Совсем как в юности, тревожит
Меня простор родных полей.
И день, что мной еще не прожит,
Мне дня минувшего милей.

Не потому ль, что в час рассвета
Лучами кажутся пути,
И песня лучшая не спета,
И жизнь, как прежде,—
Впереди!

1953

КРИСТАЛЛ

Павлу Петровичу Бажову

Мне говорил волшебник строгий,
Знаток людей,
деревьев,
руд,
Что из гранильщиков немногим
Дают бесценный изумруд.
Ведь неискусными руками
Не снимешь тусклой пелены
И не откроешь в скрытном камне
Морской бездонной глубины.
Тут мало одного уменья:
Гранильщик то же, что поэт.
Без мастерства,
без вдохновенья
Не засверкает самоцвет.
Кто хочет, чтоб звездой лучистой
Зеленый камень заблистал,
Тот должен быть кристально чистым,
Прямым и твердым, как кристалл.

1953

* * *

Труднее пишется с годами.
Никак себе не угодишь.
Над испещренными листами
Порою досветла сидишь.
Не то.
Не так!
И вновь черкаешь.
И снова льнет к перу рука.
И ты почти наверно знаешь,
Что будет найдена строка.
...Пройдут не дни,
Быть может, годы,
Пока закончишь ты свой труд
И передашь его народу
На строгий и нескорый суд.

1953—1954

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Мальчишке, видно, надоело
Держаться за руку отца.
Он, озираясь то и дело,
Стоит, робея, у крыльца.
Как страшно мальчику вначале!
Он — как в неведомой стране.
Вот землю пробует:
«Прочна ли?»
И убеждается:
«Вполне!
Земля упруга и надежна.
Ее просторы широки».
И, ставя ножку осторожно,
Он лепит первые шаги.
Мальчишка и в пыли и в глине,
Но весь от радости дрожит.
Как будто знает, что отныне
Земля ему принадлежит!

1954

ПЕРЕД ВСЕЛЕНИЕМ В НОВУЮ КВАРТИРУ

Уложены вещи.
Ворчит грузовик.
Давай, мой хороший, присядем на миг.
На прошлое глянем и вспомним с тобой,
Как пели когда-то про шар голубой.
Завидней той юности ты не найдешь...
Палатку бросало от холода в дрожь,
Земля под ногами звенела, как лед,
Но рос,
Поднимался,
Мужал наш завод!
Из старой палатки в семейный барак
Мы взяли с собой лишь топчан да рюкзак,
Горячие руки, сияние глаз.
Где счастье встречал ты
Полней, чем у нас?
Вечерний гудок не играл нам отбой:
С завода в рабфак мы спешили с тобой.
Из рук огрубевших выскальзывал мел,
Язык от бессонных ночей каменел,
Но мы не сдавались.
Упрямый народ!
По жизни шагали вперед да вперед.

И вот мы прошли половину пути,
А кажется,
Жизнь еще вся впереди.
А если и есть в волосах седина,
То это не старость, мой друг, а война.
...Готовясь к отъезду, я вымела сор
Пустячных обид, недомолвок и ссор.
Они, словно ржа, на пластинке стальной...
Не смейся,
С тобой не делюсь я виной.
Я это сейчас говорю потому,
Что места не будет им в новом дому.
Сигналит шофер нам.
Зовет детвора.
Уложены вещи.
В дорогу пора!

1954

ДЕВЧОНКЕ НЕ СПИТСЯ

Кричит сова — ночная птица.
По-детски плачет козодой.
Все спят в палатке,
Лишь не спится
Одной девчонке молодой.
Что за напасть?
Какое горе?
О чем тоскует до утра?
Ночной степи глухое море
Вброд переходят трактора.
Лучами фар осеребренный,
Их путь похож на Млечный Путь.
Быть может, говор их бессонный
Мешает девушке уснуть?
Иль песни отзвук отдаленный,
Иль, может, звезд глубинный свет?
К чему гадать?
И я влюбленной
Была в свои семнадцать лет.
Какое счастье до рассвета
Не спать, мечтая,
Тосковать,
Еще и в мыслях чувство это
Любовью не посмев назвать!

1954

ПУСТО В ДОМЕ БЕЗ ДЕТСКОГО СМЕХА

Пусто в доме без детского смеха,
Как в степи, где прошел суховей.
Ты боялась, что станет помехой
Твой ребенок работе твоей.

Ты в почете.
Почет твой заслужен.
Столько дела еще впереди!
Но скажи мне, скажи: почему же
Временами так пусто в груди?

Стоит чуть оторваться от дела,
Как тоскою зайдется душа...
У соседки из рук неумело
Ты понянчить берешь малыша.

Ходишь с ним, осторожно качая,
И не чуешь от радости ног...
Если б жизнь начинать сначала
И твой мальчик родиться мог.

Стал бы счастьем он, не помехой
В справедливой судьбе твоей.
...Пусто в доме без детского смеха,
Как в степи, где прошел суховей.

1954

КОЛОСОК

Проходят тучи мимо, мимо.
И вновь ни облачка.
Теплынь.
Напоминает клочья дыма
Сухая, серая полынь.
Земля как будто онемела.
На крепкой ножке,
Невысок,
С горячим ветром спорит смело
Тугой пшеничный колосок.
Большой родни своей достоин,
Загаром бронзовым покрыт,
Он в эту степь пришел
Как воин
И как отважный следопыт.
И пусть, бесплодьем угрожая,
В жгуты свивается песок,—
Стоит полпредом Урожая
На новых землях колосок.

1954

* * *

Прощалась с сыном на перроне мать.
Хотя был сын ее уже не молод,
Она его просила надевать
Верблюжий свитер, как настанет холод.
Как будто в первый провожая путь,
От всей души напутствовала сына:
— Ты про кашне, Витюша, не забудь.
Застудишь горло — и опять ангина.
И на охоту не ходи один,
И острого, пожалуйста, не кушай...
Седеющий солидный гражданин
Был для нее по-прежнему Витюшей,
Которого должна оберегать
От всяких бед и горестей на свете...
А сын вдруг вспомнил грозный сорок
третий,
Приказ короткий:
«Насмерть здесь стоять!»
Кто знает? Может быть, тогда от смерти
Его спасла своей любовью мать!

1954

МЫ ЖДАЛИ СНЕГА

Уже декабрь ветрами дул,
А в предрассветной мгле
Бурана отдаленный гул
Катился по земле.
Лежала степь под коркой льда
И не могла заснуть.
Вбивали клинья холода
В ее живую грудь.
Зеленых всходов не щадя,
Шли тучи стороной...
Мы ждали снега,
Как дождя
Ждут в нестерпимый зной.
Мы ждали снега:
— Поскорей
Свои войска веди,
Посевы наши обогрей,
На пашни упади!
Мы ждали снега.
Весь район —
Сто тысяч человек.
И наконец явился он,
Наш долгожданный снег.
Быть может, снежная Сибирь
Его послала в путь?

Он шел во всю степную ширь
И вырос нам по грудь.
И отогрелась наша рожь,
Хотя мороз окреп.
А снег?
Он сделался похож
На пышный белый хлеб.

1955

ХЛЕБ

Не даль морская,
И не в звездах небо,
И не цветы земли моей родной,
А снилась в детстве мне краюха
хлеба —
Простого хлеба из муки ржаной.
Двадцатый год.
Потоптанное жито.
Большой войны кровавые следы.
Я, как другие, ела не досыта
Тяжелый хлеб из горькой лебеды.
Тогда еще я вряд ли понимала,
Понять такое может только мать,
Как глубоко страна моя страдала,
Не в силах детям даже хлеба дать.

1955

ПЕСНЯ БЕЗ КОНЦА

Должно быть, парню не везло.
Рассорясь с доро́гой,
Он поспешил,
Себе назло,
Жениться на другой.

Уехал, чтобы с глаз долой,—
Рубить, так уж сплеча.
Как будто в омут головой
Бросался сгоряча.

Полы ходили ходуном.
Плясали гости всласть.
Гудели, чокаясь вином,
Что свадьба удалась.

Сулили счастья впереди,
Желали многих дней.
Никто не крикнул:
— Погоди,
Калечить жизнь не смей!

Тоска о милой,
Как назло,
Чем дальше, тем сильней.

Он держит сердце за крыло,
Чтоб не летело к ней.

Ведь он женатый человек,
Он пред семьей в долгу...
Но песню рифмою «навек»
Я кончить не могу.

Пускай другую подберут
Для этих трех сердец.
Не место этой рифме тут,
И песне не конец.

1956

САРАНА

И. Молчанову-Сибирскому

На выставке цветов моей страны
Я не встречала яркой сараны,
Той, что растет среди тайги зеленой,
А не в садах,
Не на земле холеной,
Где нежится, достоинство храня,
Ее высокочтимая родня.
Дивилась в первый раз ее красе я
В долинах Ангары и Енисея,
На склонах гор студеного Байкала
Она цветет то огненно, то ало.
Сибирь бы мне увиделась иною,
Не встреться я с волшебной сараною,
В глубоких падях,
Там, где среди лета
Гуляют вихри, не страшась запрета,
А девушки, поднявшись спозаранку,
Вплетают в косы лилию-саранку.

1956

БАЙКАЛ

Я видела его зеленым
С цветною галькою на дне,
С рыбачьим ботом просмоленным,
Легко скользящим по волне,
С игрою чаек на просторе,
С едва приметным ветерком...
Но, что Байкал и вправду море,
Я убедилась только в шторм.
Какой он злой и непокорный,
Когда и день и ночь подряд
Его волнует ветер горный —
Полярной вьюги младший брат.
Дымится море, словно кратер,
В гранитной чаше берегов,
Как будто пробует характер
Своих бывалых земляков.
Вот нависает над кормою
Волною ставшая гора...
Не отступая пред сармою [1],
На курс ложатся катера.
Матросы знают:

[1] Сарма — сильный северо-западный ветер.

Будет схватка!
Но пасовать им не с руки —
Они не робкого десятка
И, как Байкал,— сибиряки.

1956

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Над суетой бессонного вокзала
Всю ночь горит зеленая звезда.
Должна признаться, что с годами стало
Трудней мне отрываться от гнезда.

Но вот я снова в толчее дорожной...
В дороге жизнь смыкается тесней,
В дороге люди кажутся моложе,
Улыбчивей,
Доверчивей,
Ясней.

Как будто все, что к сердцу прикипало,
Как накипь ила к телу корабля,
Вдруг отболело,
Отжило,
Отпало
И перестало сковывать тебя.

1957

РУССКАЯ ДЕВУШКА

Ей восемнадцать лет, не боле.
Вишневый рот,
Лучистый взгляд.
Как у березки в чистом поле,
Красив и прост ее наряд.
В зеленой кофточке из ситца
На круг выходит не спеша.
Вздыхают женщины:
— Царица...—
Бледнеют парни:
— Хороша! —
Она ребят не замечает:
Хоть в ноги падай,
Хоть кричи.
Пока один лишь ветер знает,
Как эти губы горячи,
Да разве солнце, что вплетает
Ей в косы спелые лучи.
У всех девчонка на примете —
Строга, приветлива, скромна.
Еще любимого не встретив,
Она ему уже верна.

1957

* * *

Вдали от синих гор Урала,
В руках сжимая автомат,
Спокойно смотрит с пьедестала
От солнца бронзовый солдат.
Он дышит вольным ветром жизни.
Над ним не кружит воронье...
Не клялся он в любви к Отчизне,
Он просто умер за нее!

1957

У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

У грубого простого обелиска
Остановилась и склонилась низко.
Волной тяжелой волосы седые
Упали ей на плечи молодые.
Могилу неизвестного солдата
Цветами убрала она богато:
Гвоздикой красной,
Медоносной кашкой,
Шиповником
Да белою ромашкой.
Потом она присела в изголовье
И песни пела
Горестные, вдовьи.
Она, наверно, потому их пела,
Чтоб сердце от тоски не онемело.

1957

* * *

И в самом обычном наряде
Мила ты, отчизна, до слез.
К лицу тебе русые пряди
Твоих ненаглядных берез.
К лицу тебе снег твой алмазный,
Твой каждый ромашковый лог.
А как молодит тебя красный
Октябрьского знамени шелк!

1957

О ЛЕНИНЕ

Я сиротой осталась в лихолетье —
В суровые голодные года.
И, что такое вечность и бессмертье,
Понять не в силах я была тогда.
И даже в дни великого прощанья
В смятенном сердце не могла вместить
Скрепленного присягой обещанья,
Что Ленин жив
И вечно будет жить.
Лишь вникнув в мудрость ленинского
слова,
Узнав, как верен партии народ,
Я увидала Ленина — живого!
И поняла, что Ленин не умрет.

1957

ТЕТЯ НАСТЯ

Здесь был в чести обычай
древний:
Под медный колокольный звон
Плыл от деревни до деревни
Надрывный голос похорон.
Слезой глаза себе не застя,
Не морща строгого лица,
Умела плакальщица Настя
На части разрывать сердца.
Война сынов ее скосила.
Что жить, что нет —
Ей все равно.
Она по мертвым голосила,
Все слезы выплакав давно.
За стертый грош,
За корку хлеба
Да за посулы без отдач
Она в невидящее небо
Бросала свой протяжный плач.
А по ночам, в тоске гнетущей
О вдовах,
Сиротах скорбя,
Корила бога:
— Всемогущий,

Чем прогневили мы тебя?! —
...Еще горячий после боя,
Граненый штык зажав в руке,
Октябрь принес в село глухое
Зарю на сломанном древке
И от лица Советской власти
Вручил нам ленинский декрет
О мире,
О земле,
О счастье
На сотни и на тыщи лет.
Всей силой памяти нелгущей
Навек запомни:
Холод.
Темь.
Людей взволнованно поющих:
«Кто был ничем, тот станет всем».
Нестройно, радостно и смело,
Сминая злобу кулаков,
Мое село впервые пело
Победный гимн большевиков.
И золотой пшеничный колос
К серпу и к молоту приник.
И влился в песню Настин голос,
Как полный звездами родник.
Омыв лицо слезами счастья
И не скрывая слез своих,
Со всеми пела тетя Настя
О светлой участи живых.

1957

ВОРОБЕЙ

Мимо падей и откосов,
Вдоль таежных теремов
Мчится город на колесах:
Сто вагонов —
Сто домов.
В каждом доме общежитье,
И хоть комнатка тесна,
Гостеванье,
Чаепитье,
Разговоры допоздна.
В нашей дружеской беседе
И согласие и мир.
До Норильска с нами едет
Безбилетный пассажир.
Едет в домике особом
Через всю земную ширь
Не павлин с набитым зобом,
Не щегол
И не снегирь,
А воробушек обычный,
Неприметен, невелик,
Едет в клетке той отличной,
Заливаясь:
Чик-чирик!

И от этого соседства
Все становятся добрей,
Словно выпорхнул из детства
Этот шустрый воробей...
...Снегом вся земля укрыта,
Все упрятано под лед.
Воробей живет то сыто,
То тепла, голодный, ждет.
Мерзнет в тощей одежонке,
Воду пьет из прорубей,
Но родной своей сторонке
Не изменит, хоть убей!
Он к тебе идет без риска.
Потому, узнала я,
Наш попутчик из Норильска
Взял с собой не соловья.
Не павлин с набитым зобом,
Не щегол
И не снегирь,
Едет в домике особом
Через всю земную ширь
Неприметная пичуга —
Всем знакомый воробей.
Я прошу его, как друга:
— Обживайся,
Не робей!

1957

* * *

А. Д. Коптяевой

У русских женщин есть такие лица:
К ним надо приглядеться не спеша,
Чтоб в их чертах могла тебе открыться
Красивая и гордая душа.

Такая в них естественность, свобода,
Так строг и ясен росчерк их бровей...
Они, как наша русская природа, —
Чем дольше смотришь, тем еще милей,

1958

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА

На стане нынче непривычно тихо.
Раздав бригаде молоко и хлеб,
Наталья Николавна, повариха,
Ушла одна в темнеющую степь.

А трактористы, будто виноваты, —
Молчат, от двери не отводят глаз:
«Наталья Николаевна, куда ты,
Зачем ушла в столь неурочный час?»

...Такое в жизни у нее случилось:
Пришла любовь, не глядя на года,
И сдаться повелела ей на милость,
И сердце отобрала навсегда.

Пришла любовь,
Да, видно, слишком поздно.
Не свить ей в сердце теплого гнезда...
Густеет ночь.
Она совсем беззвездна.
Откуда ж эта яркая звезда?

И не одна!
Их две горят призывно.
Нет, о любви лишь начат разговор.

Не зря махорку курит непрерывно,
Кружа в степи, немолодой шофер.

Была бы хоть дорога как дорога.
По кочкам «газик» прыгает, как грач.
В глазах шофера нежность и тревога:
Наталья Николаевна, не плачь!

1958

ХОРОШАЯ ПРИМЕТА

Повстречаться с медведем — к добру.
Старинная примета

Зачастила к мужику беда.
Нет с бедою никакого слада.
Сеял рожь,
А вышла лебеда,
Волк телушку уволок из стада.
Что ни день,
То горе и разор.
Прет нужда, как плесень, отовсюду.
Ночью филин залетел во двор —
Не иначе быть большому худу.
«Неужели, — думает мужик, —
Для меня хорошей доли нету?»
К старосте идет он:
— Укажи
Мне достатка верную примету! —
Староста в раздумье лоб потер
И сказал,
В глазах усмешку пряча:
— Коль с медведем встретишься в упор,
Значит, жди,
Придет к тебе удача! —

...Не успел мужик разбогатеть,
Не вернулся он к родному дому,
Потому что встреченный медведь
Толковал приметы по-другому...

1958

МИНУТА

Светлеют сумерки седые,
Зарей окрасились снега.
О, если б знали молодые,
Как жизнь бесценно дорога!

Любая малая минута,
Что обронили мы в пути,
Могла бы жизнь спасти кому-то,
Пшеничным колосом взойти.

1958

РЕЧКА МАМА[1]

Речка Мама!
Берег дальний,
Берег юности моей.
Ты волной своей хрустальной
Не качала кораблей.

На излуках
В звездной пыли
Громоздятся валуны.
По воде твоей не плыли
Стеньки Разина челны.

Не вскипала ты, как лава,
От чапаевских атак.
Не твоя былая слава
Светит людям, как маяк.

Вся кедровником укрыта,
Не мелка,
Не глубока,
Чем, скажи, ты знаменита,
Забайкальская река,

---

[1] Речка Мама — приток реки Витим в Восточной Сибири.

Что тебя за горной кручей
Ждет, всегда невозмутим,
Малахитовый, певучий,
Твой возлюбленный Витим?

Видно, что-то есть такое
И в твоей речной судьбе,
Если имя дорогое
Было дадено тебе?

Если в памяти упрямой
Ты за далью лет видна?
Если ты зовешься Мамой
Среди тысяч рек одна?

1958

ЛЕСОРУБ

Пила, как пойманная щука,
Пыталась вырваться из рук.
На вид нехитрая наука,
А постигается не вдруг.
...Вспухали на руках мозоли,
От пота вымок русый чуб.
Не чуя холода и боли,
Сражался с кедром лесоруб.
И кедр не выдержал.
Крылато
Взмахнул ветвями и упал...
Узор старинного булата
Смолистый пень напоминал.
В душе у парня радость пела.
— Держись, косматая тайга! —
Он затянулся неумело
Горчайшим дымом табака.

1958

ПАДУН

Мне говорили, что Падун,
Как дикий зверь, ревет.
Струей тяжелой, как чугун,
По валунам он бьет.

Так грозен этих струй разбег,
Так слеп их ярый гнев,
Что и неробкий человек
Шел мимо, оробев.

Немало сложено о нем
Сказаний в старину.
...Горячим августовским днем
Пришла я к Падуну.

А день от грохота оглох.
Рокочет кранов бас,
Ссыпает камни, что горох,
Неторопливый МАЗ.

Я слышу звон железных плит
И дробных звуков град,
Но я не слышу, как гремит
Падунский водопад.

Беззвучно рушится на дно
Тяжелых брызг бурун.
Как будто бы в немом кино
Смотрю я на Падун.

Он выглядит почти ручным,
Он стал неслышным здесь,
Где над кипением речным
Грохочет стройка ГЭС.

1958

О НЕОБЫЧНОМ

Театр на площади станичной,
В тайге электропровода...
Нам это кажется обычным
И неприметным иногда.

Мы очень быстро привыкаем
К тому, что создал наш народ.
Уже и спутников включаем
В свой повседневный обиход...

И, восхищенные рожденьем
Чудесной маленькой луны,
Мы к новым далям и свершеньям
Уже опять устремлены!

Да, мы считаем делом личным,
Чтоб становилось навсегда
Необычайное обычным,
Как хлеб,
Как воздух,
Как вода.

1958

ВЕСЕННЯЯ МЕЛОДИЯ

Весенним днем
Дорогою недальней
Идет девчурка к школе музыкальной.
Несет, как куклу, маленькую
скрипку,
Улыбкой отвечает на улыбку.

В ее глазах, по-детски изумленных,
Трепещут листья тополей зеленых,
В ушах звучит широкая, как дали,
Мелодия, каких не задавали.

1958

СТАРШОЙ

На витрине,
Праздничны и ярки,
Разместились разные подарки.
Что купить на первую получку:
Галстук, портсигар иль авторучку,
Или для насмешницы девчонки
Перстенек,
Хотя бы самый тонкий?
Но ни с чем идет парнишка к дому.
Поступить решил он по-другому,
По-хозяйски,
Как отец когда-то...
— Вот вам, мама, вся моя зарплата,
Тратьте со спокойною душой! —
В этом доме снова есть старшой.

1958

МИННЫЕ ПОЛЯ

Прозрачны дали.
И ветра спокойны.
От ржавых мин очищена земля.
Но, отступая, оставляют войны
Воспоминаний минные поля.
В людских сердцах лежат они незримо.
Их не найдет искуснейший минер.
В них скрыта боль о близких и любимых,
О муках,
Не забытых до сих пор.
Как много нужно приложить стараний,
Как надо нам друг другом дорожить,
Чтоб обезболить боль воспоминаний
И память о погибших сохранить!

1958

САХАР

Ах, что за кони,
Песня-кони,
Краса колхозного двора!
Пиленым сахаром с ладони
Их угощает детвора.
А мать,
Слегка раздвинув ставни,
Любуясь, смотрит на ребят.
И вдруг
Воспоминаньем давним
Заволокло лучистый взгляд.

...Столбы огня.
Завеса пыли
И рукопашный у леска.
Изгнав врага,
В село вступили
Советской Армии войска.
Их путь лежал теперь к Берлину,
И был один приказ:
— Вперед! —
Три года, бесконечно длинных,
Минуты этой ждал народ.
И брали на руки солдаты

Из материнских рук детей,
Их угощая, чем богаты,
По-фронтовому, без затей.
Какие у солдат излишки!
И все ж, обшарив свой мешок,
Сержант трехлетнему парнишке
Подносит сахару комок.
А тот губенки сжал в обиде
И, отвернувшись, засопел.
Малыш впервые сахар видел
И думал — это просто мел...

...Ах, что за кони,
Песня-кони,
Краса колхозного двора!
Пиленым сахаром с ладони
Их угощает детвора.

1958

ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ

Двадцатый год
Двадцатого столетья...
Точнее даты не найдете вы.
В рабочий городишко над Исетью
Приехали артисты из Москвы.
В честь их приезда не гремели трубы,
Но ждали их рабочие давно.
В том городишке не было ни клуба,
Ни даже захудалого кино.
Не помнили,
Не слышали в народе,
Чтоб пела здесь скрипичная струна...
Концерт решили проводить в заводе,
В кузнечном,
У застывшего горна.
Огонь в горне задушен был разрухой.
Он у рабочих на глазах зачах.
И только ветер
Заунывно-глухо
Стонал порой в простуженных мехах.
...Из досок сбили сцену для артистов.
Фанера сукна заменила им.
Впускали билетеры металлистов
По жестяным жетонам заводским.

И началось...
До самой поздней ночи
Здесь шел искусства небывалый пир.
Впервые скрипки пели для рабочих,
Сердца впервые потрясал Шекспир,
Летели тройки во широком поле,
Шумела рожь,
Звенел лукавый смех,—
То песен русских буйное раздолье,
Как жизнь сама,
Заполонило цех.
Цвела душа у трудового люда.
Ладонь устала хлопать о ладонь.
И в ту же ночь
Свершилось в цехе чудо:
В горне кузнечном запылал огонь!
Концерт молвою превращен в преданье...
Артистов тех,
Что выступали тут,
Хоть и не всем присвоено им званье,
Народными артистами зовут.

1958

ГЛИНЯНЫЕ КУКЛЫ

В. М. Инбер

В смешных рубашках из холстины,
На вырост сшитых нам до пят,
Лепили мы из желтой глины
Забавных маленьких куклят.
А хлеб,
Он был лишь у немногих.
Разруха.
Голод.
Нищий быт.
У наших кукол тонконогих
Был непомерный аппетит.
И мы на них ворчали:
— Дуры,
Чем вас кормить в конце концов?! —
...Лепили детство мы с натуры,
Не зная лучших образцов.

1958

РАКЕТА

Была простым куском металла,
Мечтою, формулой была,
Потом она моделью стала
И зримый облик обрела.
Потом детали все и части
В ней, как в симфонии, слились.
И вот уже —
Какое счастье! —
Она летит, пронзая высь.
Давно и след ее растаял,
А мы не сводим с неба глаз.
Вот так же дети:
Вырастают
И улетают...
В добрый час!

1959

МАЛЬЧИШКА

Ладонью заслонясь от света,
Сидит мальчишка.
Тишина.
И вдруг волшебное:
— Ракета
Достигла станции Луна.—
Он, оторвавшись от тетрадок
И губы вытянув смешно,
Сказал с достоинством:
— Порядок! —
Как будто так и быть должно.
Должно быть так,
А не иначе.
И удивительного нет,
Что это нами,
Нами начат
Штурм неразгаданных планет.
Его за скупость не корите:
Мальчишка сдержан потому,
Что продолжение открытий
Эпоха вверила ему!

1959

* * *

По весне
До самого рассвета
Соловьи залетные не спят,
Все поют...
А как настанет лето,
Молчаливо ростят соловьят.

Сколько им таланта и раденья
Надо, чтоб из робкого птенца
Вышел мастер колдовского пенья,
Песнями пленяющий сердца!

1959

ДЕТСКИЙ ПАРК

Когда устану до ломоты,
И ничего на ум нейдет,
И голова пуста,
Как соты,
Откуда выкачан весь мед,—
Тогда я в качестве лекарства
Неспешный направляю шаг
В зеленое ребячье царство,
Или, точнее, в Детский Парк.
Хотя он густ еще не очень
И не велик его размер,
Зато уютней парков прочих
И голосистей не в пример...
Нет чудодейственнее средства —
Пусть прописал его не врач —
Следить, как золотое детство
Гоняет тугощекий мяч.
Иль, скрыть волненья не умея,
Смотреть —
Уже в который раз! —
Как детвора пускает змея
Не просто в небо,
А на Марс.

...Спешу домой я не сутулясь —
Как будто крылья за спиной.
И жизнь опять ко мне вернулась
И смотрит южной стороной.

1959

* * *

Пустынные земли безруки,
Им трудно себя уберечь
От стужи,
От яростной вьюги,
От зноя, готового сжечь.

И счастлива видеть теперь я:
В степях,
Оттеснив ковыли,
Растут молодые деревья —
Веселые руки земли.

1959

ТОПОЛЯ

Опускаю в лунку
Тонкий тополек.
Прямо,
Чтобы в струнку
Он тянуться мог.
Чтобы рос, не каясь,
Он в семье своей,
Бережно касаясь
Ближних тополей.
Если ж недоглядом
Посадить их вкось,
Корни будут рядом,
А вершины — врозь.

1959

ЗОЛОТИНКА

Я пришла сюда издалека.
Удивилась,
Где же здесь река?
Где же здесь речушка Золотинка?
Мне с тоской поведала рябинка:
— Жарким летом к реченьке-реке
Прибежали ивы налегке.
Умоляли:
«Милая сестрица,
Нам дозволь воды твоей напиться,
Вымыть босы ноги добела,
Поглядеть в живые зеркала...»
Стала сохнуть речка год от году —
Это ивы выпили всю воду.
Иссушили, светлую, до дна,
А была она у нас — одна!
...Я утешу тонкую рябинку,
Оживлю,
Верну ей Золотинку!

1959

КОРАБЕЛЬНЫЙ БОР

Все чаще снится мне
Мой корабельный бор.
В надгорной вышине
Раскинул он шатер.
У ног его простерт
Седой гордец Урал.
Здесь куст и тот растет
Веками,
Как кристалл.
Здесь бродит тишина
Сторожкая, как рысь.
Здесь каждая сосна
Бросает шапку ввысь.
Упрямый, как гранит,
Стоит на гребне гор
И день-деньской звенит
Мой корабельный бор.

1959

КОЛЬЦА

В могучем солнечном бору
Есть дерево одно.
Умру — и тотчас топору
Подставит грудь оно.

Так жадно любящее жить,
Подставит смерти грудь,
Чтобы достойно снарядить
Меня в прощальный путь.

Ему как будто суждено
Дать мне последний кров.
Как на Руси заведено
Еще спокон веков...

Хотела б я в густом бору
То дерево сыскать,
Щекой согреть его кору
И так ему сказать:

— Пускай нас слушает весь бор,
Подняв свою хвою,
Я не хочу, чтоб тот топор
Вонзался в грудь твою.

Прекрасна жизнь —
И не расчет
Лишаться солнца нам.
И потому должны мы счет
Продлить своим годам.

Пусть время дышит нам в лицо,
Ведет из боя в бой
И мечет за кольцом кольцо
На ствол янтарный твой...

1959

ЯБЛОКИ

Пахнет яблоками на почтамте.
В щели ящиков и корзин
Видят яблоки,
Как в азарте
Тучи сплачивает баргузин [1].

Но, храня в неуюте складов
Торжествующий аромат,
В ожидании адресатов
Безмятежно они лежат.

...Мне посылка пришла от друга.
С ней домой я бегу скорей
И румяных посланцев юга
Выпускаю, как снегирей.

Сквозь атласную их одежду
Слышу зернышек легкий стук.
В огрубелых ладонях нежу
Я плоды, что прислал мне друг...

1960

---

[1] Баргузин — восточный ветер, дующий на озере Байкал.

* * *

Чем станет любовь твоя:
Песней,
Хлебом,
Кипящей сталью,
Соколом в поднебесье,
Морем за дальней далью?

Или, сорвавшись с выси,
Камнем в глубь сердца канет?
От нас от самих зависит,
Чем любовь наша станет.

1960

ЛАЗУРИТ

В нем небо синее горит
То пламенно,
То зыбко.
Красивый камень лазурит —
Байкальских гор улыбка.

Легенды сложены о нем,
Немало песен спето.
Любым пытай его огнем —
Он не изменит цвета.

Не оплывет,
Не обгорит,
Не задохнется дымом...
Здесь дарят синий лазурит
В знак верности любимым.

1960

ОДИНОКИЕ

В этот дом заходить не хочется.
Время здесь нескончаемо длится.
Вещи и те, как от боли, морщатся.
Тусклые комнаты.
Тусклые лица.

Не горе сгибает хозяевам плечи,
А нелюбовь
Да тяжелая скука.
Муж и жена,
А обмолвиться не о чем,—
Так далеки они друг от друга!

Нищие!
В спешке растратили дочиста
Чувств неглубоких малый заём...
Самый обидный вид одиночества —
Быть одиноким,
Живя вдвоем.

1960

* * *

Коль сердце и разум затеяли спор,—
Не жди для себя добра.
Любовь отгорит, как ночной костер,
Едва дотянув до утра.
Случается в жизни такая беда...
Не сразу узнать нам дано,
Что сердце и разум
Сильны лишь тогда,
Когда они заодно.

1960

СТРОГАЯ

На вид она чуть сурова.
Работает —
Всем на диво.
Пустого не скажет слова.
Как совесть сама,
Правдива.
В глазах,
Что бездонней глуби,
Душа ее солнцем светит.
Если такая полюбит,
То уж до самой смерти.
Ей можно довериться свято
На самых крутых дорогах...
Недаром наши ребята
Девушек любят строгих.

1960

НАЗЫВАЛИ БРОШЕНКОЙ

Анне Ф.

Слово-то какое выдумали:
«Брошенка».
Только это слово
Выдумали зря.
Весело смеется
Твой сынок Алешенька,
Над тобой вполнеба
Светится заря.
Лучшая работница,
Первая красавица,
На виду ты выросла
У всего села.
В поле все девчата
По тебе равняются,
Спрашивает область:
— Как твои дела? —
И роятся вести,
Всю округу радуя,
Про твои задумки,
Про твои труды...
Называли брошенкой
Свахи языкатые,
Да умолкли, будто
Взяли в рот воды...

Что им зря шушукаться
О судьбе-разлюбице?
Ты сумела сладить
Со своей бедой.
Все, что ни загадано,
Непременно сбудется
В доле твоей светлой,
В жизни молодой.

1960

ТЫ ЧАСТО СЕТОВАЛ

Ты часто сетовал,
Что много
Тебе дано
Нагрузок, дел...
Но под уклон пошла дорога,
И лес желаний поредел,
И молодость
Себе на плечи
Взяла весь груз забот твоих.
Так почему ж не то что легче,
А тяжелей тебе без них?
Готов пенять ты неустанно
На непогодье,
На недуг.
Не потому ль, что слишком рано
Ты дело выпустил из рук?
Ведь если руки опустели,
То опустеет и душа.
Металл и тот,
Коль он не в деле,
Как хворь,
Истачивает ржа.

1960

ЖАР-ПТИЦА

Поднималась спозаранок,
Пол скребла,
Овец пасла.
Словно ласточка-подранок,
Ты в чужой семье росла.
Столько горя натерпелась,
Что хватило б про запас.
До чего ж тебе хотелось
Вдоволь выспаться хоть раз!
Да спокойно,
Без опаски,
Будто рядом мать с отцом,
Что пришли к тебе из сказки
С замечательным концом.
Сказок ты немало знала,
Только не было такой,
Чтобы вправду подсказала,
Как разъехаться с бедой,
Как разделаться с кручиной
И уйти из нищеты,
Ладной вырасти дивчиной
Из горюхи-сироты.
Хоть бы хлебом не корили,
Да своя была б изба...

Не из сказки,
А из были
Шла к тебе твоя судьба.
И не шагом шла —
Скакала
На буденновском коне!
Вешним солнцем полыхала
Весть о мире на земле.
Никакая там цыганка
Не дерзнула б нагадать,
Что из ласточки-подранка
Ты жар-птицей можешь стать.
Станешь тем,
Кем стала ныне,—
Человеком новых дней.
А твое простое имя —
Гордость родины твоей.

1960

ГОСУДАРСТВА ХОЗЯЙКА

Весна распахнула все дальние дали
И солнца лучи раздает, как подарки
Орден Ленина в актовом зале
Сегодня вручают лучшей доярке.

Вот она входит с улыбкой хорошей,
Русоволосая,
В строгом жакете,
И несравнимо милей и моложе,
Чем рисовали ее в газете.

Разве опишешь беглой строкою
Путь, что вот этой женщиной пройден!
Сильной, красивой, крупной рукою
Она принимает бережно орден.

И кажется в зале особенно людно.
И шепот волненья проходит рядами.
Я чувствую сердцем,
Как сладить ей трудно
И со слезами
И со словами...

Множество слов в нашей речи
прекрасных.
Выбрать какие — поди угадай-ка!
Но я за нее волновалась напрасно.
Речь повела государства хозяйка:

— За всенародное наше счастье,
За справедливость и многодарность
Я объявляю Советской власти
Свою сердечную благодарность!

1960

ТРАКТОР НА ПЬЕДЕСТАЛЕ

Это поле обойдешь едва ли.
Облететь —
И то не хватит дня.
Трактор на гранитном пьедестале
Здесь стоит,
Молчание храня.

Кто ни взглянет,—
О героях вспомнит,
Покоривших эту целину.
А пшеница по просторам гонит
За волной высокую волну.

1960

ЧАСОВОЙ МАСТЕР

Часы стучат устало,
С одышкою идут.
В их зубчиках застряло
За сутки пять минут.
Сквозь крошечные шлюзы
Промчался дней поток...
А мастер
Стар и грузен —
В часах он знает толк.
Среди пружинок гнутых
И микрошестерен
Застрявшие минуты
Сквозь линзы ловит он.
Подобен мастер богу,
Когда вершит свой труд...
И снова
С жизнью в ногу
Часы мои идут.

1960

ЛИЛИЯ

Я увидала лилию речную
В трамвае,
У рабочего в руке.
Он направлялся, видимо, в
ночную —
В ботинках грубых,
В старом пиджаке.
Ни возраст,
Ни вседневная забота
Не затенили глаз его больших.
Он взял цветок,
Должно быть, для кого-то,
А может, так,
Для собственной души...
Не знала отродясь моя строка
Обыденней
И праздничней соседства:
Натруженная добрая рука
И лилия,
Прелестная, как детство.

1960

ЗАВТРА НАСТАЛО

Множатся
Новой эры приметы:
Легчают машины,
Легчают предметы.
Дома —
Обойди города все и веси —
Становятся краше,
Теряя лишь в весе.
Впервые планета Земля полегчала.
И в этом —
Великих открытий начало:
Частицу земного
Бесценного груза
Послали мы в космос
С эмблемой Союза!
Характеры тоже
Становятся легче.
Яснеют глаза,
Распрямляются плечи.
Мечи превращаются нами
В орала.
И чувство такое,
Что завтра настало!

1960

СКОРОСТЬ

Летчики, и строители,
И хлеборобы —
Все мы
Века двадцатого жители,
Строки одной поэмы.
Мчится великое Время
Путем, что намечен нами.
Путем,
Над которым Ленин
Поднял революций знамя.
И в диве не видим дивного —
Полны чудес наши горсти!
Так на борту реактивного
Не замечаешь скорости...

1960

КОСМИЧЕСКАЯ ПЫЛЬ

Как глобус,
Шар земной пылится.
Оставив в небе тонкий след,
Летят к нам быстрые частицы
Иных миров,
Иных планет.
Тех, что за облачною дымкой
Горят в космической дали,
Стремясь хоть малою пылинкой
Коснуться жителей земли.

1960

* * *

На ночь горы сдвигаются ближе.
Уплотняется рек окаем.
По ночам я отчетливей вижу
Все поступки,
Свершенные днем.

Каждый шаг проверяю на совесть.
О промашках сужу напрямик.
Дня прошедшего слитную повесть
Испещряю, как черновик.

Сокращенья. Дописки. Помарки.
Больше света!
Прозрачнее тень...
Я стремлюсь, чтобы полным и ярким
Оказался мой завтрашний день.

1960

МЕЧЕНЫЕ АТОМЫ

Меченые атомы,
Поэзии слова.
Назло своим анатомам,
Поэзия жива.

Ее слова —
То лезвия,
То ласковый родник.
Для каждого поэзия
Находит свой язык.

Из сердца
Из казачьего
Жизнь проросла цветком.
Попробуй обозначь его
Обычным языком!

На огненном железе я
Видала кружева.
То пламенной поэзии
Нежнейшие слова.

С людьми,
Душой богатыми,
Поэзия в ладу.
Слов меченые атомы
Лежат не на виду.

1960

ЗАВИДНЕЕ ДОЛИ НЕ ЗНАЮ

Кудрявое дерево дыма
Не тает в густой синеве.
Все дорого мне и любимо
В уральской родной стороне.
Она красотою неброской
Красуется —
Вся на виду!
С задумчивой русой березкой
Я давнюю дружбу веду.
Я знаю, как зреют колосья
На стеблях июньских дождей.
И счастлива, что довелося
Мне жить среди добрых людей,
Которые чтут, как присягу,
В труде,
В справедливом бою
И верность Октябрьскому флагу,
И русскую песню свою.
Завиднее доли не зная,
Мечтаю о чести такой:
Достойной быть отчего края
Идущей от сердца строкой.

1960

СЫНОВЬЯ

Два хороших сына у меня.
Две надежды,
Два живых огня.

Мчится время по великой трассе.
У меня —
Две юности в запасе.

Жизнь горит во мне, неугасима.
У меня две вечности —
Два сына.

1960

В ДЕТСТВЕ

Не на глянцево-черной доске,
Не в линованой школьной тетради,
Мы учились писать на песке
Да на снежной нетронутой глади.

Пусть букварь был нам мало знаком,
Мы коммуны постигли начало:
Большевистских знамен языком
Революция нас обучала.

И, наморщив по-взрослому лбы,
В жгучий снег упирая колени,
Мы писали, что мы —
Не рабы
И что вождь революции —
Ленин.

1960

НАДЕЖНОЕ СЛОВО

Из древних уральских руд
Когда —
Не скажу я точно —
Железное слово «труд»
Сработано было прочно.

Взвесив его в руках,
Прапрадед сказал сурово:
«Останется жить в веках
Надежное это слово!

Вместе с словами: мать,
Правда, народ, Россия —
Пойдет да пойдет шагать,
Всю кривду,
Все зло осиля».

1960

СНЕГ

Белый, белый хрустящий снег,
Ты белее всего на свете.
Согревает твой пышный мех
И поля,
И березоньки эти.
Снег,
Слетающий с высоты,
Блеск даешь ты вершинам горным.
Но нередко бываешь ты
То багровым,
То черным.
Черным!
...Черный снег дворов заводских,
Тощий снег городских кварталов,
Сколько копоти в легких твоих
И морщин на щеках твоих впалых!
...Скорбный снег фронтовых могил
И сражения снег багряный.
Позабыть тебя нету сил —
Ты запекся кровавой раной.
Говорю я от имени тех,
Кто за мир на земле в ответе:

— Ты не будешь кровавым, снег,
Ты и черным не будешь, снег,
Только белым ты будешь, снег,
На цветущей моей планете!

1961

МАТЬ

В ближний бор сосною подышать
На тележке возит сына мать.
На закорках вносит его в дом,
Долго-долго кашляя потом.

По ночам она почти не спит.
Хорошо ли сын ее укрыт?
Может, дать лекарство?
Напоить?
Свет зажечь?
Иль форточку открыть?
Иль, услышав приглушенный зов,
Вызволить из душегубки снов?

...Сыну скоро будет тридцать пять.
День и ночь о нем печется мать.
День и ночь душа ее в огне.
День и ночь проклятья шлет войне!

1961

РЖАНЫЕ ПИРОГИ

В суровый год пекла я пироги
Из черной,
С горем пополам, муки,
С начинкой из мороженой калины.
Не каждый день,
Лишь сыну в именины.
Пекла не на дровах,
А на соломе.
И сын просил:
«Кусочек дай еще мне.
Дай мне еще, хоть маленький
кусочек...»
На трудном хлебе вырос мой сыночек.
И не заморыш вырос,
Не обсевок,
А молодец из девичьих запевок.
Но, главное, чем я могу гордиться:
Из глаз сыновних доброта струится.
Себе дороги сын не ищет легкой.
За всякий труд берется со сноровкой.
Он ненавидит то,
Что для кого-то
Есть плевый хлеб

И плевая работа...
Сын навсегда запомнил пироги
Из черной,
С горем пополам, муки.

1961

ОСЕНЬ В ЗАУРАЛЬЕ

Осень-то какая молодая!
Ни грустинки,
Ни морщинок нет!
Ходит по округе,
Собирая
Все деревья в праздничный букет.
Ну, а если подойдешь к ней ближе,
То воочью убедишься ты:
У нее все дети ярко-рыжи.
Все в нее —
И травы и кусты.
Даже вон талинки-невелички
Быть стремятся ей во всем под стать.
Научились в тонкие косички
Огненные ленточки вплетать.
С ношей золотого урожая,
В Зауралье
И по всей стране,
Ходит осень,
Землю украшая...
Вот такую осень бы и мне!

1961

ГОРДЫЕ

Гордым легче.
Гордые не плачут
Ни от ран,
Ни от душевной боли.
На чужих дорогах не маячат.
О любви, как нищие, не молят.
Широко раскрылены их плечи,
Не гнетет их зависти короста...
Это правда —
Гордым в жизни легче,
Только гордым сделаться —
Не просто.

1961

В ДОБРОМ ДОМЕ

Н. Д. С

Как земля прекрасна
И огромна,
Мне хотелось увидать самой.
Я была, как облако, бездомна,
Что не знает крыши над собой.
Исходили молодые ноги
Всю как есть
Огромную страну...
Раздарила людям все дороги,
Для себя оставила одну.
И не то чтоб ровную какую,
Больше норовящую в объезд,
Выбрала прямую да крутую,
Где и камни
И размывы есть.
Я иду путем своим упорно,
Счастлива еще и оттого,
Что себя не чувствую бездомно
В добром доме сердца твоего.

1961

НЕТ, НЕ ОДИНОКА

Есть несовместимые слова.
Например,
Невеста и вдова,
Засуха и ливень,
Снег и лето,
Но еще несовместимей это:
«Баю, баю, зорька моя, дочка...»
Мать.
Не просто мать,
А одиночка!
Неразумно это
И жестоко!
Разве мать с ребенком
Одинока?
Материнство —
Радость, сила, почесть,
Выход навсегда из одиночеств.
Мать с ребенком дороги всем людям.
Так давайте ж никогда не будем
Ставить рядом:
Мать и одиночка.
«...Баю, баю, зорька моя, дочка».

1961

ОБОРВАННОЕ ДЕТСТВО

Мальчишка раненый лежал в
                              землянке.
Его фашистский коршун подкосил.
Из медных гильз
Да из консервной банки
Сержант мальчонке пушку смастерил.

Такой забаве все ребята рады,
А этот вскинул отрешенный взгляд
И выдохнул:
— Игрушек мне не надо.
Коль буду жив,
То дайте автомат.

Лицом к лицу он встретил с
                              малолетства
Войну,
Что навязали нам враги.
Он вырос.
Но оборванное детство
Болит,
Как пальцы отнятой ноги.

1961

МАСТЕРСТВО

Я училась детали
Точить на станке.
Стружки руку клевали,
Прикипали к щеке.

Вырывалась, шипела
Норовистая сталь
И никак не хотела
Превращаться в деталь.

Вместо доброй удачи
То поломка,
То брак.
Шла со смены я, пряча
Свои слезы в кулак.

Говорил каждый день мне
Мастер точных работ:
«Было б, дочка, раденье,
А уменье придет».

Но потом услыхала
Я другие слова:
«Нет, умения мало,—
Достигай мастерства!»

День и ночь,
Не посменно,
Лишь тем и живу,
Что стремлюсь неизменно
К мастерству,
К мастерству!

Ну, а если удача
Не дается никак,
Я, как в юности, прячу
Свои слезы в кулак.

1961

ДВЕРИ

Я видела двери
В частных домах.
Они, словно звери,
Сидят на цепях.
Крест-накрест
Солидно
Железом обиты.
Хозяев не видно:
Живут, как улиты.
Сюда не стучитесь!
Надпись на лаке
Кричит:
«Берегитесь
Злющей собаки!»
Ах, псину мне жалко,—
За страх
Да за кости
Учили овчарку
Хозяева злости.
Кусались бы сами,
Да выгнили зубы...
Лежат под замками
Хозяйские шубы.
...Я знаю

И верю —
И этим горда:
Цепные те двери
Ведут в никуда.
И дом-скопидом,
Не таясь,
Без подвоха
Готовит на слом
Молодая эпоха.

1961

ПНИ

Ты видишь пни
То здесь, то там
С лишайником на срезе.
Не смей судить по этим пням
О нашем звонком лесе!
И не по карканью ворон,
Не по крапиве жгучей,
Суди о нем по взлету крон
Да по стволам могучим.
Суди о нем по белизне
И стройности березок.
Суди о нем по новизне
Летящих в небо просек.
...Чернеют пни
То здесь, то там
С лишайником на срезе.
Нельзя судить по старым пням
О нашем звонком лесе!

1961

КЕДР

Вверх комлем,
А вершиной вниз
Над Ангарою кедр повис.
Грозы внезапная стрела
Навылет грудь ему прожгла.
Да, видно, нелегко убить
Того, кто страстно хочет жить.
Корней стопалою рукой
Вцепился в берег он крутой.
И так висит,
Уж сколько лет,
Над Ангарой сибирский кедр.
Ему родимая река
Вернула небо,
Облака.
В ее глубинах отражен,
Себя могучим видит он:
Глядящим ввысь
И полным сил,—
Таким,
Каким весь век он был.

1961

АНГАРЕ

Грузным неводом ночь провисла,
Полным звезд
И тяжелых рыб.
Чуть спрямленное коромысло
Мне напомнил моста изгиб.
Скорый поезд пролеты нижет.
Берег высится, как гора.
Наконец-то тебя я увижу
И навек полюблю, Ангара!
Пять ночей мне стучали колеса:
— На восток!
— На восток!
— На восток!
В зыбких снах я бросалась с откоса
В твой могучий,
В твой синий поток.
Я хочу, чтоб в бурлящие воды
Падал свет моего костра...
Как Магнитка в тридцатые годы,
Ты меня позвала, Ангара.

1961

МАГНИТОГОРСКИЕ ПАЛЬМЫ

Не вырастишь тополя за день,
И клена медлителен рост...
А выход был все-таки найден.
Он был неожиданно прост.

Строители,
Сил не жалея,
В своем наступленье крутом,
Отгрохали за день аллею
В ложбине за рыжим бугром.

И вот,
Поздравляя друг друга,
Явились мы в парк молодой,
Где пальмы,
Не знавшие юга,
Гремели железной листвой.

Стволы их укутаны были
Ворсистым покровом кошмы.
Как будто и впрямь им грозили
Морозы уральской зимы!

Давно эти пальмы-времянки
Руками друзей снесены.
Деревьям в разросшемся парке
Весною аллеи тесны.

Но, помня о годах былинных,
Мы вспомним и первую сталь,
И то, как мы ждали любимых
В тени металлических пальм.

1961

ГЕРАНЬ

Весь в домишках допотопных,
Был стар и мал наш городок.
Цвела герань на пыльных окнах —
Мещанством избранный цветок.

Цвела безрадостно и вяло
В неволе комнатной,
В пыли.
И, как невольница, не знала
Могучих запахов земли.

Она нашептывала:
«Ты, мол,
Должна такой же быть, как я...»
И мне запомнилась
Как символ
Глухого прежнего житья.

И вот недавно свежей ранью,
Приехав в город молодой,
Я снова встретилась с геранью,
Но только с новой,
А не с той,
Что даже мысленно не смела

Расправить робкие крыла.
А эта —
В скверах пламенела,
На главной площади цвела!

Ей теплый дождик кудри вымыл,
Расправил ветер ей листы...
Ее запомню я как символ
Раскрепощенной красоты.

1961

ЦЕЛИННЫЙ ХЛЕБ

«Не человек спит —
хлеб спит в человеке».

Народная пословица

Куда бы ни увлек
Простор родной земли,
Ты этот городок
Увидишь издали.

Не городок —
Маяк
Над морем золотым.
Стрелой летит большак
По улицам прямым.

А под любой из крыш,
От всех ветров укрыт,
Спит первенец-малыш.
В нем хлеб целинный спит...

1961

ПЛАВУЧИЕ ОСТРОВА

Острова плавучие —
Вырванные пни.
Ивами плакучими
Оплаканы они.
Лодки их обходят,
Птица гнезд не вьет.
Посмотришь —
Остров вроде,
А приглядишься —
Плот.
С виду густолистый,
Только вот беда:
Под пластом дернистым
Не суша,
А вода...
Навек водой оторваны
От берегов своих.
Во все четыре стороны
Гоняет ветер их.
Качает на качелях
Весенней быстрины.
На вечное кочевье
Они обречены.

Бедуют по озерам
От берегов вдали,
Лишенные опоры
Родной своей земли.

1961

ЛЕДОХОД

Бора хвойную шкуру
Греет май.
Ледоход.
По красавцу Амуру
Быстро движется лед.

Поглядишь издалека:
Не река, а ковер.
Из цветистого шелка
Выткан резкий узор.

Лед плывет из Китая
Цвета желтой зари.
Изумрудно сверкает
Зелень льда Уссури.

Ну, а это —
Тунгуска.
Льдины синьки синей...
А в семье нашей русской
Сколько разных кровей!
Многолик и прекрасен
Наш великий народ.
...Продолжается праздник —
Ледолом-ледоход!

1961

ОБЛАКО

Я живу в гостинице высотной,
Окруженной синевою плотной.
На моем тридцатом этаже
Нечто есть от космоса уже.

По утрам я нахожу на окнах
Радуги тончайшие волокна.
Теплый дождик, прежде чем
пролиться,
Ко мне первой клювиком стучится.

А вчера —
Вот радости-то было! —
Облако меня вдруг навестило.
О стихах поговорив немножко,
В синеву уплыло сквозь окошко.
И на кресле,
Где оно сидело,
Долго-долго капля голубела.

1961

ДОБРОТА

Есть руки выразительней, чем
лица.
И то не слов бездумная игра.
Рука, не устающая трудиться,
За редким исключением добра.
Она щедра не на показ,
Не броско,
Не остается за добро в долгу...
Зато какой она бывает жесткой,
Несокрушимой, яростной
К врагу!

1961

ХОРОШИЙ ОБЫЧАЙ

Домишко чуть побольше улья.
В тайге найдет его не всяк.
В нем нет стола,
Не то что стульев.
Одни лишь нары да очаг.
А впрочем, этого не мало!
К тому же надобно учесть:
Сушняк и лапник для распала
И спички в том домишке есть.
Отыщешь,
Коль в углах пошаришь,
Горбушку.
Как в родной избе!
Тебе неведомый товарищ
С заботой думал о тебе.
Оставил он не просто спички —
Душевного тепла запас...
Хороший, добрый тот обычай
Спасал таежников не раз.
Особенно в пургу, что крутью
Кипит, живого не щадя.
А ты?
Что ты оставишь людям,
Чем отдаришь их, уходя?

1961

* * *

Месяца тонет лодочка.
Гаснут звезды.
Темно.
Небо подруги летчика.
Как тревожно оно!

Шаль на плечах пуховая,
А дрожь все равно берет.
То плакать,
То петь готовая,
Мужа из рейса ждет.

Тревога —
Судьбе не указчица.
Он — сильный,
Земной,
Молодой,
А в небе ночном ей кажется
Дальней хрупкой звездой...

1961

БЕСПРЕДЕЛЬНОСТЬ

Да, путь познания не гладок.
Но знаем мы со школьных лет:
Загадок больше,
Чем разгадок,
И поискам предела нет!

И жизнь, как космос,
Беспредельна.
И человек уже не жрец,
Не раб
И не сосуд скудельный,
А открыватель и творец.

Признать история готова:
Да, мы не те.
Да, мир иной.
Глазами Германа Титова
Мы охватили шар земной...

Шар отдалялся.
Отдалился...
И, вспыхнув в утренних лучах,
Вдруг весь, как солнце, уместился
У россиянина в зрачках.

...Да, путь познания не гладок.
Но знаем мы со школьных лет:
Загадок больше,
Чем разгадок,
И поискам
Предела нет!

1961

* * *

Как влюбленные имя любимой
Повторяют впопад,
Невпопад,
Без конца восхищенно твердим мы:
— Космодром.
— Звездолет.
— Космонавт...
Пусть восторженны мы не в меру.
Это, право же, грех небольшой...
Кто сказал, что в Звездную эру
Люди входят с тусклой душой?

1961

* * *

Люди идут из бора,
Тащат корзины тяжелые
С брусникой последнего сбора,
С груздями белоголовыми,
С кедровыми спелыми шишками,
С целебными корешками...
А этот чудной мальчишка
С пустыми идет руками.
В зубах вересковая ветка...
Иные ворчат:
— Небожитель! —
Постойте,
А так ли это?
Мальчишку ругать подождите!
Быть может,
Унес он из бора
Чувства большого накала,
Звуки и краски,
Которых
Людям недоставало?!

1962

СЕРП

Одинокая жница
В небо кинула серп.
Пусть вовек не родится
Вдовий нищенский хлеб!
Не колосья,
А горе.
Серп —
Зазубрен и стар...
Глядь —
В небесном просторе
Серп тот месяцем стал!
...Нет давно горькой жницы,
Но плывет через степь
Над высокой пшеницей
Позолоченный серп.

1962

ЗАВОДСКИЕ МОДНИЦЫ

С заводскими бирками
Ездят электричками.
По асфальту чиркают
Каблучками-спичками.
Косы их и челочки
Хной не позолочены.
Платьица с иголочки
В меру укорочены.
Девочки рабочие —
Заводские модницы,
Пошутить охочие,
Труженицы,
Скромницы.
До чего ж разборчивы
И строги, глазастые!
Схлопотать пощечину
Парень может запросто.
Эти туфли модные
Им никем не дарены.
На свои,
На кровные
Девочками справлены.

По асфальту чиркают
Каблучками-спичками.
С заводскими бирками
Ездят электричками...

1962

ХМУРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Он не любит ни весенних рек,
Ни деревьев,
Ни людей хороших.
Ходит этот хмурый человек
И улыбки гасит у прохожих.
До чего же неприветный взгляд
С выраженьем вечного вопроса!
Даже на играющих ребят
Он глядит насупленно и косо.
Кто такой?
Откуда?
Отчего
Стал он нашей радости помехой?
...Где бы вы ни встретили его,
Непременно оштрафуйте
Смехом.

1962

СОБАКА

Собака охраняет магазин.
Я вижу, как проходит вдоль витрин
Она походкой сторожа небыстрой.
В ней дремлет ярость,
Как в патроне — выстрел.
Любая жилка в ней напряжена.
Дыханье ночи слушает она,
Вбирая воздух сильными ноздрями.
И тишина расходится кругами.
Хоть ей враждебен душный мир шелков,
Она идет,
Не участив шагов,
Служебный долг свой выполняя строго.
Лишь в обувном задержится немного,
Вдыхая запах кирзовых сапог —
Желанный запах ветра и дорог.

1962

ЛЕТЧИК

Он умирал.
Он ждал рассвета.
Рассвет медлителен зимой.
Как старт берущая ракета,
Под ним качнулся шар земной.
И небо сразу раскололось,
Распалось на огонь
И дым.
Он не мечтал проникнуть в космос —
Доступней звезды молодым!
Но не случайно в эскадрилье
Он был любим
И знаменит:
Умел наращивать он крылья
Орлятам,
Рвущимся в зенит.
Растил в них силу,
Ум и доблесть,
Берег их славу...
Потому
Земля, нацеленная в космос,
Навек признательна ему.

1962

УСТАРЕВШИЙ КРАН

Еще недавно грузами ворочал,
И вот он оказался не у дел.
Ему сказал молоденький рабочий:
«Ты, старина, морально устарел.
Пойдешь на слом...
Да ты, чудак, не кисни.
Стать новой сталью —
Это тоже плюс...»
Стараясь в главном не отстать
От жизни,
Не постареть,
А устареть боюсь!

1962

ГРОМООТВОД

Назвали так его недаром.
Когда гроза идет, трубя,
Все смертоносные удары
Он принимает на себя.
Спешит он их обезопасить,
Со шкурным страхом незнаком.
О землю молнии он гасит
Железным острым каблуком.
Пред ним смешон и безоружен
Громила старый,
Громобой...
Нет человечней этой службы —
Живое заслонять собой!

1962

СТАРЫЙ МОСТ

Построен мост был для телег
С зерном,
Насыпанным внатруску.
А на него моторный век
Взвалил стотонную нагрузку.
На брусяной его настил
Ступили тракторы
И МАЗы.
Он грузов тьму переносил,
На помощь не позвав
Ни разу.
И, даже обезножев, он
Не ныл,
Трудяга безымянный:
Мол, здесь не выдюжит бетон,
А я, учтите,
Деревянный!
Он рухнул...
К новому мосту
Теперь сбегаются дороги.
...Он умер на своем посту,
Как написали б в некрологе.

1962

ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ ХОРОШЕГО

Достается недешево
Счастье трудных дорог.
Что ты сделал хорошего?
Чем ты людям помог?
Этой мерой измерятся
Все земные труды.
Может, вырастил деревце
На земле Кулунды?
Может, строишь ракету?
Гидростанцию?
Дом?
Согреваешь планету
Плавок мирным теплом?
Иль под снежной порошей
Жизнь спасаешь кому?
Делать людям хорошее —
Хорошеть самому.

1962

У РАССВЕТА СОСНЫ РОЗОВЫ

У рассвета сосны розовы,
А у вечера —
Красны...
Пили светлый сок березовый
Мы на празднике весны.
Шли, держась с тобою за руки,
Избегали троп глухих.
Я плела венки из таволги
И в Тобол бросала их.
В струи белые, кипящие
Окунала их вода...
— Это все не настоящее,—
Говорила я тогда. —
Это все еще преддверие,
Встреча краткая в пути...—
Ты за глупое неверие
Хоть теперь меня прости!
Жаль, что ветки шелестящие
Я рвала,
Не берегла.
Жаль, что чувство настоящее
Угадать я не смогла...

1963

САННЫЙ ПУТЬ

Как это дивно:
Лошадь, сани,
Поющей радугой дуга.
И мы влюбленными глазами
Глядим на чистые снега.
И нас охватывает нежность
И грусть,
Что мы отдалены
От этой вольной и безбрежной
И непорочной белизны.
А лошадь,
Обгоняя холод,
Все убыстряет легкий бег,
Не ведая о том, что город
Ее списал в прошедший век.
И не враждующим фырчаньем,
Свой шаг замедлив лишь на миг,
Она встречает мирным ржаньем
Везущий сено грузовик.
Пусть не гневится критик строгий,
Но если в Завтра заглянуть,
Там рядом с гулкою дорогой
Звенит и легкий санный путь.
И правнук наш,

Взнуздавший громы,
Исколесив все небеса,
Домой вернется
И гнедому
Даст горстку звездного овса.

1963

КОЛОДЦЫ

В песне об этом поется,
А песня правдой сильна, —
Коль воду не брать из колодца,
Покроется ряской она.
Журавль —
Работяга старинный —
Не вскинет кленовой руки.
Заглохнет источник глубинный,
Замрут, отзвенев, родники...
Нет, только не это,
Не это!
Не вычерпать сердце до дна!
Под вечер,
Как в пору рассвета,
Вода в нем чиста,
Холодна.
Берите же воду,
Берите,
Несите, прозрачную, в дом.
Веселые ведра,
Звените
В наполненном сердце моем!

1963

* * *

Мне говорят, что слишком много
Любви я детям отдаю,
Что материнская тревога
До срока старит жизнь мою.
Ну, что могу я им ответить,
Сердцам,
Бесстрастным, как броня?
Любовь, мной отданная детям,
Сильнее делает меня.
В ней все —
И радость,
И терпенье,
И те, шальные, соловьи...
За это чистое горенье
Спасибо вам,
Сыны мои!

1963

МОЯ ПРИВИЛЕГИЯ

Я не ждала от жизни привилегий.
Считала счастьем быть такой, как все.
Весною холить робкие побеги,
Качать в ладонях веточку в росе.

В жару со всеми я томилась жаждой.
Сухарь последний другу берегла.
И вот в пути запела я однажды
Ту песню,
Что не петь я не могла.

Я рыла доты,
Строила заводы
И в зелень одевала пустыри.
С народом вместе прожитые годы
За мною встали как богатыри.

Да, я не знала праздности и неги,
Но оттого не стала я бедней.
И то, что я живу без привилегий,
Считаю привилегией своей!

1963

РАВНОВЕСЬЕ

Вот он идет по длинной жерди
Через темнеющий овраг
И чащи равновесья держит
В худых раскрыленных руках.
Его шаги ложаться ровно,
И поступь быстрая легка.
А коршун пристально
И злобно
Следит за ним издалека.
Угрюмый житель поднебесья,
Он, как исхода боя, ждет:
Удержит мальчик равновесье
Или, сорвавшись, упадет?
Пусть жердь вибрирует
И гнется —
Он до конца пройдет ее.
Не упадет,
Не поскользнется,
Как бы ни злилось коршунье!

1963

ЖИВУ Я В ГЛУБИНЕ РОССИИ

Живу я в глубине России,
В краю озер и рудных скал.
Здесь реки — сини,
Горы — сини,
И в синих отсветах металл.
Милы и дороги до боли,
Да так, что глаз не оторвать,
Мне брови лиственниц собольи
И сосен царственная стать.
Тайга, тайга!
Берет отсюда
Начало изумрудный цвет.
А зеленее изумруда
Ни дерева,
Ни камня нет!
По красоте,
По скрытой силе
Мне не с чем мой Урал сравнить.
Иной здесь видится Россия —
Суровей,
Строже, может быть.
А может, здесь она моложе...
Свежей тут времени рубеж.
Но сердце русское —

Все то же.
И доброта.
И песни те ж!
И лица те же, что в Рязани.
И так же звучны имена...
Как солнце в драгоценной грани,
В Урале Русь отражена.

1963

СОДЕРЖАНИЕ

О себе 3

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХИ

Урал 11
Сказ 13
Ярославна 15
«На левый бок повернулся медведь...» . 17
«Среди имен любимых и родных...» . . 18
Малахит 19
«Мой отец — охотник...» 20
Испытание 21
Девушке 22
Реки 23
«Прославлены умельцы-камнерезы...» . 24
Живая летопись 25
«Скоро утро. Затихает ветер...» 27
Твоя родина 29
Орленок 31
Мастер 33
Синегорье 34
Уральский виноград 35
Грань резца 37

«Как вливается в русло вода...» 39
В нашем краю 40
Земля пустыни 43
Будущее море 45
Башенный кран 46
Магнит-гора 48
Музыка 49
Чеканщик 50
«Уже не дни, а годы между нами...» . . 51
Первенец 52
«Да, ты такой, каким тебя люблю...» . . 53
Танк 54
«Когда-то в тридцатом, в начале...» . . . 55
Колыбельная 56
Горячее дыхание 58
Гудки 59
После грозы 61
На перевале 63
Мама 65
Вишневый сад 66
«Неужели были лживы...» 68
Костер 69
Совсем как в юности 70
Кристалл 71
«Труднее пишется с годами...» 72
Первые шаги 73
Перед вселением в новую квартиру . . 74
Девчонке не спится 76
Пусто в доме без детского смеха . . . 77
Колосок 78
«Прощалась с сыном на перроне мать...» 79
Мы ждали снега 80
Хлеб 82
Песня без конца 83
Сарана 85

Байкал 86
Перед дорогой 88
Ангарск 89
«В угоду женщине неумной...» 90
Русская девушка 91
«Вдали от синих гор Урала...» 92
У могилы неизвестного солдата 93
«И в самом обычном наряде...» 94
О Ленине 95
Тетя Настя 96
Воробей 98
«У русских женщин есть такие лица...» . 100
Наталья Николаевна 101
Хорошая примета 103
Минута 105
Речка Мама 106
Лесоруб 108
Падун 109
О необычном 111
Весенняя мелодия 112
Старшой 113
Минные поля 114
Сахар 115
Первый концерт 117
Глиняные куклы 119
Ракета 120
Мальчишка 121
«По весне до самого рассвета...» 122
Детский Парк 123
«Пустынные земли безруки...» 125
Тополя 126
Золотинка 127
Корабельный бор 128
Кольца 129
Яблоки 131

«Чем станет любовь твоя...» 132
Лазурит 133
Одинокие 134
«Коль сердце и разум затеяли спор...» . 135
Строгая 136
Называли брошенкой 137
Ты часто сетовал 139
Жар-птица 140
Государства хозяйка 142
Трактор на пьедестале 144
Часовой мастер 145
Лилия 146
Завтра настало 147
Скорость 148
Космическая пыль 149
«На ночь горы сдвигаются ближе...» . . 150
Меченые атомы 151
Завиднее доли не знаю 153
Сыновья 154
В детстве 155
Надежное слово 156
Снег 157
Мать 159
Ржаные пироги 160
Осень в Зауралье 162
Гордые 163
В добром доме 164
Нет, не одинока 165
Оборванное детство 166
Мастерство 167
Двери 169
Пни 171
Кедр 172
Ангаре 173
Магнитогорские пальмы 174

Герань 176
Целинный хлеб 178
Плавучие острова 179
Ледоход 181
Облако 182
Доброта 183
Хороший обычай 184
«Месяца тонет лодочка...» 185
Беспредельность 186
«Как влюбленные имя любимой...» . . 188
«Люди идут из бора...» 189
Серп 190
Заводские модницы 191
Хмурый человек 193
Собака 194
Летчик 195
Устаревший кран 196
Громоотвод 197
Старый мост 198
Что ты сделал хорошего 199
У рассвета сосны розовы 200
Берегите старых людей 201
На расстоянии голоса 202
Санный путь 203
Колодцы 205
«Мне говорят, что слишком много...» . . 206
Моя привилегия 207
Равновесье 208
Живу я в глубине России 209

Людмила Константиновна
ТАТЬЯНИЧЕВА
ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХИ

Редактор В. Белова
Художественный редактор Ю. Боярский
Технический редактор Л. Фейлер
Корректоры Г. Бейлинсон и Н. Шкарбанова

Сдано в набор 21/X 1963 г.
Подписано в печать 19/II 1964 г.
Бумага 70 × 90[1]/[32] 6,75 печ. л.
7,89 усл. печ. л., 5,34 уч.-изд. л.
+ 1 вкл. = 5,37 л.
Тираж 25 000. Заказ № 730
Цена 42 коп.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Московская типография № 20
Государственного комитета
«Главполиграфпрома»
Совета Министров СССР по печати
Москва, 1-й Рижский пер., д. 2.

ЛЮДМИЛА ТАТЬЯНИЧЕВА
ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХИ